

Глава 3

НАЧАЛО СИСТЕМАТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ КОМИ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

В XIX в. увеличивается количество информации по традиционной культуре народов коми. Она становится более достоверной и качественной, чем в предыдущие годы. Весь материал по способу сбора и публикации можно разделить на три большие категории:

- 1) материалы, собранные в ходе специальных научных исследований;
- 2) исследования, являющиеся результатом деятельности местных краеведов и краеведческих организаций;
- 3) данные этнографической беллетристики.

Именно наличие значительной информационной базы позволяет некоторым исследователям в этот период приступить к новому этапу в исследовании народов коми — первым попыткам монографического обобщения, которые предпринимались в начале 1830-х гг. *А.И. Шегреном*, в 1860-е гг. — *К.А. Поповым* и в конце 1880-х гг. — *И.Н. Смирновым*.

3.1. Этнографические материалы по народам коми, собранные в ходе специальных научных исследований

3.1.1. Изучение Коми края в ходе специальных этнографических научных исследований

Основным центром изучения народов коми в начале данного периода был Санкт-

Петербург. Это связано с тем, что здесь находилась Академия наук, главный центр научных исследований в России. Здесь функционировал университет, который готовил необходимых специалистов. Основанное в 1845 г. Русское географическое общество стало организатором собственных исследований и, что более важно, методическим центром организации широкого краеведческого движения на местах¹. Чуть позднее финно-угорская, в том числе и коми, проблематика становится актуальной для Казанского университета, где было выполнено несколько подобных исследований. С 1880-х гг. активное изучение финно-угорских народов наблюдается в Финляндии, в рамках Финского литературного и Финно-угорского обществ².

¹ *Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге-Ленинграде // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. 1989. С. 7–17; *Он же.* Санкт-Петербургская Императорская Академия наук и становление современного финно-угроведения // Петербургская Академия наук в истории Академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы междунар. конф. Т. 2. СПб., 1999. С. 227–233; *Сануков К.* Финно-угристика о финно-угорских народах России: основные этапы и тенденции развития исследований // Финно-угроведение. 2000. № 1. С. 3–16; *Branch M.* The Academy of Science in St-Petersburg as center of Finno-Ugrian studies 1760-1860 // JSFOu. 1995. V. 86. P. 67–86; *Он же.* The Academy of Science in St-Petersburg as center for study of nationalities in the North-East Baltic // Studia Fennica. Ethnologica. 1999. 6. P. 122–137.

² *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. 1880–1980 гг. М., 1995.

Крупный вклад в изучение данной проблемы в этот период был сделан **Андреем Михайловичем Шегреном** (1794–1855), финским ученым, для которого Россия стала второй родиной¹. Андреас Иоханес Шегрен (Andreas Johann Sjögren) родился в 1794 г. в семье сапожника в деревне Ситиккаля прихода Иитти (Финляндия). Своими способностями он обратил на себя внимание местного пастора Израеля Штольберга (I. Ståhlberg), который помог закончить ему сначала народную начальную школу г. Ловиза (Ловииса), затем гимназию в г. Поорво (Борго) и поступить в 1813 г. в Академию Або (Университет Турку). Пастор И. Штольберг был известным переводчиком и писателем. Именно он раскрыл юноше научную идею финно-угорского родства. Кроме того, он познакомил своего ученика с Куста (Густавом) Ренваллом, финским священником, автором словаря и грамматики финского языка, представителем т.н. «ранних будителей», неформальной группы представителей интеллигенции г. Або, которые стремились к возрождению интереса к финской культуре². В гимназии г. Поорво его учителем истории был известный финский просветитель Пер (Петер) Йоханн Алопеус (P.J. Aloraeus). П.Й. Алопеус, в свою очередь, был студентом Хенрика Габриэля Портана (H.G. Porthan), выдающегося финского учено-гуманитария. Именно П.Й. Алопеус впер-

вые в своих лекциях раскрыл А.И. Шегрену идеи Г. Портана об истории Севера Европы, о народах, населяющих этот регион, их лингвистическом и генетическом родстве³. Его научное мировоззрение в дальнейшем формировалось в стенах Академии Або, где он изучал новые, классические (древние) и восточные языки под влиянием лингвистических открытий датского филолога, одного из основоположников индоевропеистики и сравнительно-исторического языкознания Расмуса Кристиана Раска, историко-культурных взглядов немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера и духовного наследия Х.Г. Портана. Во время общения с Р. Раском в Або в 1818 г., когда он направлялся в Персию и Индию, он впервые понял основную идею датского ученого: только исследуя и сравнивая языки, можно постичь историю народа и установить его родственные связи, если отсутствуют письменные источники.

После возвращения из поездки Р. Раск уточнил имевшуюся к тому времени общую картину финно-угорского мира, выделив в ней три группы: финскую (финны, эстонцы, саамы, марийцы, мордва), югорскую (венгры, манси, ханты) и биармийскую (коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты)⁴. В это же время универсант А.И. Шегрен познакомился с научными публикациями еще одного финского просветителя — Кристфрида Ганандера, тоже ученика Г. Портана, в частности с его «Финской мифологией»⁵. Впоследствии эти положения стали основными в его научной методологии. Во многом эти положения исследователя сформировались во время проведенных со своим сокурсником по Академии

¹ О жизни и деятельности Шегрена см.: Андрей Михайлович Шегрен // ЖМНП. 1855. Ч. 86. Отд. 5. С. 1–8; Перечень сочинений академика Шегрена, напечатанных с 1821 по 1854 год // Учен. зап. Императорской Академии наук по I и III отделениям. 1855. Т. 3. Ч. 4. С. 569–583; Шегрен — академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993; *Терюков А.И.* А.И. Шегрен и граф Н.П. Румянцев // Румянцевские чтения. М. Ч. 2. С. 256–262; *Он же.* А.И. Шегрен и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 3–15; *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах...; *Он же.* Финно-угорские этнографические исследования... С. 194–225; *Ahlqvist A.E.* A.J. Sjögrenin elämäkerta ja kirjoitukset // Kieletär. Helsinki, 1875. № 1. С. 3–20.

² О роли Г. Ренвалла в становлении теории финно-угорского родства см.: *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOu. Vol. 206. S. 260–264.

³ *Branch M.* A.J. Sjögren studies of North // MSFOu. Vol. 260–264.

⁴ О финно-угроведческих идеях Р. Раска см.: *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung... S. 242–243, 295–298; *Кузьмеев Ю.К.* Лингвистическая концепция Расмуса Раска // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. Л., 1984. С. 25.

⁵ *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung... S. 222; *Карху Э.Г.* Карельский и Ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. СПб., 1994. Т. 1. С. 15–16.

Арвидом Стрельманом в 1816 г. каникул под Петербургом, в Губаницах, когда он впервые услышал финскую и ижорскую речь за пределами Финляндии. К этому моменту относятся его первые этнографические и фольклористические опыты: А.И. Шегрен записал здесь свадебный обряд ингерманландских финнов и несколько рун калевальского цикла. Результаты этой поездки, а также вторичного посещения Ингерманландии в 1817 г. привлекли его внимание к финскому языку. Как пишет М. Бранч, именно с этого времени в его дневниках начинают появляться записи, сделанные по-фински, до этого он писал только на шведском языке. Там же появляются заметки и о самом финском языке¹. В студенческие годы А.И. Шегрен со своим другом Абрахамом Поппиусом организуют в Або публичный литературный студенческий клуб из студентов Выборгского и Ньюландского землячеств, на заседаниях которого, кроме обсуждения переводов текстов немецких философов и эстетических статей, рассматривались образцы народной поэзии². Ко времени окончания университета за ним закрепилась слава человека, желающего заниматься изучением истории и культуры финно-угорских народов.

После завершения образования и получения степени магистра философии и свободных искусств, а также стажировки в Упсале, с 1819 по 1820 гг. он состоял помощником библиотекаря «Абовского университета»³. В том же 1820 г. А.И. Шегрен приезжает в Петербург, где получает место домашнего учителя в семье епископа Финской лютеранско-евангелической церкви Ингерманландии Захария Сюгнеуса, где служил около года. Здесь он активно изучает русский язык, знакомится с со-

чинениями Н.М. Карамзина и *Евгения Болховитинова*, переводит на немецкий язык ряд русских исторических сочинений, которые не были опубликованы. Но его положение в столице империи было неопределенным, он постоянно искал повод для возвращения в Финляндию. В этот период его активно поддерживал Андрес Йоханес Гиппинг (Andres Johann Hipping, 1788–1862), финский пастор и ученый. Они познакомились еще в Або (Турку), где обсуждали планы будущих исследований. Именно тогда он предложил А.И. Шегрену поехать в Петербург, лично познакомиться с графом Н.П. Румянцевым, членами Петербургской академии наук и заинтересовать их со своими научными планами. А.И. Гиппинг, выпускник Або Академии, был известен как автор «Опыта шведско-русского разговорника», первого русско-шведского словаря, благожелательно принятого русским обществом и отмеченного личной наградой Александра I. Появление этого разговорника было вызвано присоединением Финляндии к Российской империи и должно было помочь русским чиновникам в управлении новыми землями. В Петербурге он начал активно заниматься изучением истории Севера и публиковать небольшие статьи, чем привлек к себе внимание выдающегося историка, русского академика Ф. Круга. Н.П. Румянцев принимает его на работу библиотекарем. За время работы А.И. Гиппинг привел в порядок огромное собрание книг и манускриптов, составил первый рабочий каталог. Сотрудником Н.П. Румянцева он оставался до 27 февраля 1823 г., когда по высочайшему повелению был назначен пастором в Финляндию. Уже там он заканчивает свое главное сочинение «Нева и Ниеншанц», посвященное шведскому периоду владения устьем Невы и Ингерманландией⁴. По его рекомендации А.И. Шегрен становится библиотекарем Румянцева. Воздействие

¹ Branch M. A.J. Sjögren...

² Haltsonen S. Antti Juhanna Hippingin...

³ Формулярный список о службе и достоинстве ординарного академика Императорской Академии наук статского советника Шегрена. 5 января 1855 г. // Дело Комитета правления Императорской академии наук о смерти академика Шегрена и назначении вдове его пенсии. 7 января 1855 — 25 июня 1876 гг. // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 656, л. 3.

⁴ Терюков А.И. Петербург и финская наука // Санкт-Петербург–Хельсинки. Хельсинки–Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 25–26; Haltsonen S. Antti Juhanna Hippingin tutkielma suomalaisesta kirjallisuudesta v. 1820 // Kirjallisuudentutkijain seuran vuosikirja. Helsinki, 1954. Vol. 13. S. 125–136.

А.И. Гиппинга на историческое образование А.И. Шегрена несомненно; с его помощью он попал в академические круги и, что было немаловажно, получил доступ к уникальной румянцевской библиотеке. Позднее А.И. Шегрен записал в своем дневнике: *«Я был щедро снабжен из богатой именно по тому предмету библиотеки известного мецената России, государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, с которым лично познакомиться имел счастье в свое пребывание в Санкт-Петербурге»*¹.

Одновременно А.И. Гиппинг знакомит молодого ученого с архиепископом Финской лютеранско-евангелической церкви Якобом Тенгстремом (J. Tengström) и статс-секретарем Великого княжества Финляндского Робертом Генрихом Ребиндером (R.H. Reh binder). В это время они были одними из самых влиятельных людей в Финляндии.

Я. Тенгстрем был представителем той части финской элиты, которая была настроена по-русски, и связывала будущее Финляндии после 1809 г. с Россией. Он был одним из главных действующих лиц отторжения Финляндии от Швеции и присоединения ее к России. Как видно из его письма графу Н.П. Румянцеву, он связывал с Россией не только политическое будущее страны, но и изучение ее истории: *«Я с полным основанием надеюсь, что история Финляндии, пока столь мало изученная, получит новые богатые сведения благодаря мемуарам и произведениям русских авторов, которых до сих пор у нас не было достаточно, и что будущие исследователи финской истории будут всегда признательны Вашему превосходительству за предоставленные им в таком изобилии источники для новых исследований древностей своей родины»*². Поэтому исследовательские планы А.И. Шегрена были близки им. Именно под воздействием А.И. Гиппинга он пишет и публикует свою

первую научную работу, названную «О финском языке и литературе»³. Она была издана при финансовой поддержке Н.П. Румянцева. И хотя эта книжка вызвала споры среди финских публицистов и историков, она была первой попыткой доказать, что финский язык, как и другие европейские языки, — это развитый язык, который имеет богатые фольклорные традиции и литературу.

А.И. Шегрен отмечает в начале своей брошюры: *«Особенно необходимо обстоятельное исследование нашего языка, в первую очередь необходимо из-за того, что он из-за полной нехватки памятников древности является единственным источником, из которого можно надеяться вывести какие-нибудь знания, поясняющие историю финляндского народа более раннего периода»*⁴. Уже в первой научной работе он четко определяет методологию — сравнительно-исторический лингвистический метод, что сыграло важную роль: на молодого ученого обратили внимание как в Петербурге, так и в Гельсингфорсе и Або. После этого Н.П. Румянцев предложил А.И. Шегрену выработать и представить ему на рассмотрение свой план экспедиции по изучению финно-угорских народов и их языков. Ибо государственный канцлер считал, *«что молодому ученому надо было бы предпринять путешествие во внутренних губерниях России, чтобы познакомиться с разными остатками некогда обширного и многочисленного финского племени»*⁵.

В плане, который он представил, А.И. Шегрен исходил из того, что для полного понимания истории Севера Европы крайне важно изучение финно-угорских народов, в первую очередь *«языка зырян, пермяков, вогулов, вотяков, черемисов, мордвы и остяков»*. В основу плана была положена идея финно-угорского родства, высказанная к этому времени С. Дьярмати, С. Шайновичем

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, д. 35, л. 1 об.

² Похлебкин В.В. Переписка Н.П. Румянцева с финляндскими учеными // Скандинавский сборник. 1962. Вып. 5. С. 322–323.

³ *Sjögren A.J.* Über die finnische Schprache und ihre Literatur. SPb., 1821.

⁴ Там же. S. 2.

⁵ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, д. 35, л. 2.

и Г. Портаном. Методологически он предлагал провести масштабное изучение не только словарного состава, но и, что крайне важно, в первую очередь структуры и грамматики этих языков. Исполнить этот план, по его мнению, мог человек, имеющий специальное образование и знающий финский язык. Реализовать весь план предполагалось за три года, причем один год отводился на подготовительные работы в архивах и библиотеках. В ходе путешествия исследователь предполагал проехать по Русской Карелии, между Ладогой и Онегой, затем по районам, населенным коми-зырянскими и коми-пермяками, вплоть до остояков на Оби и Конде и возвратиться через Оренбург. Кроме изучения языков, он намеревался собирать материалы по обычаям, традициям и обрядам, записывать сказания, народные песни и т.д.¹ Н.П. Румянцев хотя и одобрил этот план, но от его финансирования, чего добивался А.И. Шегрен, отказался, заявив, что не доживет до завершения такого масштабного проекта.

В 1822 г. к планам финского ученого обращается Р. Ребиндер. По его просьбе А.И. Шегрен направляет ему для ознакомления свой план и просьбу о финансировании из специальных средств казначейства Великого княжества Финляндского. Получив разрешение Александра I, Р. Ребиндер сообщил А.И. Шегрену, что он наделяется на 3 года всеми правами и привилегиями официального путешественника, выполняющего дела государства с выплатой ему 3000 рублей ассигнациями ежегодно. В 1826 г. по предложению академика И. Круга его путешествие было продолжено еще на два года, но уже за счет Академии наук.

Так, в 1824–1829 гг. А.И. Шегрен принял большое путешествие по Европейскому Северу, в ходе которого побывал у карел, вепсов, саамов, коми-зырян, ненцев, коми-пермяков, удмуртов². За это время он проехал

18 432 верст. Собранный им материал совершил революцию в науке о финно-угорских народах. Ибо, как образно заметил М. Бранч, «финно-угроведение в 1829 г. было интересным и часто спекулятивным занятием лингвистов и историков. И именно вклад А.И. Шегрена в эту область науки через 5 лет после возвращения в Санкт-Петербург дал научному миру основу идей и методологию, которая превратила это интересное хобби в научную дисциплину»³. Наиболее полный анализ методологии исследований А.И. Шегрена был сделан М. Бранчем⁴. В его сочинениях, опубликованных в течение 1828–1834 гг., впервые была нарисована ясная и определенная картина истории, расселения и развития языков саамов, прибалтийско-финских и пермских народов⁵. В ходе путешествия А.И. Шегрен установил границы расселения этих народов, описал основные диалекты их языков, открыл науке новый народ — вепсов, нарисовал картину этнического состава Ингерманландии. Он впервые показал, что сравнительно-исторический метод, предложенный Я. Гриммом и Р. Раском для индоевропейских языков, можно и необходимо применять в финно-угроведении. Новый метод, а также использование данных ономастики, этнографии, археологии, считавшихся до этого времени вспомогательными в исторических изысканиях, позволили А.И. Шегрену серьезно продвинуться в решении проблемы финно-угорского родства.

Можно согласиться с мнением А.Е. Загребина о том, что, «находясь в экспедиции, А.И. Шегрен прошел сложную трансформацию от восторженного юноши до умудренного

№ 12. С. 191–193; Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // Санкт-Петербургские ведомости. 1829. № 128, 130–133.

³ Branch M. Op. cit. P. 182.

⁴ Idem. P. 185–219.

⁵ Терюков А.И. К историографии этнической истории Русского Севера: А.И. Шегрен // Нестор. № 10; Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 360–380.

¹ Branch M. Op. cit. P. 41–42.

² Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // Исторический, статистический, географический журнал. 1829. Ч. 3. № 8. С. 99–103; Ч. 4. № 11. С. 98–112;

го во многих вопросах ученого, не утратившего, тем не менее, изначального выбранного пути»¹.

На основе собранных материалов А.Й. Шегрен написал первый обобщающий труд по народам коми — «Зыряне», который был опубликован на немецком языке уже после его смерти². К сожалению, не изданный до сих пор на русском языке и поэтому мало используемый современными учеными основополагающий труд А.Й. Шегрена отражает новый этап в изучении истории и культуры народов коми. Во-первых, в нем впервые был представлен свод большого массива исторических документов, которые касались политической истории Русского Севера в период борьбы за эту территорию между Москвой и Новгородом. Во-вторых, рассматривая проблему Биармии, Еми и Чуди, любимых тем исторических исследований конца XVIII — начала XIX в., он впервые для решения этой проблемы применил т.н. «ономастический метод», под которыми он понимал в первую очередь использование данных топонимики и антропонимики. Одновременно он привлек материал по диалектологии и историческим преданиям. В-третьих, в этой работе он впервые выдвинул научную гипотезу происхождения народа коми и попытался на основе топонимического материала определить районы прежнего проживания коми. Вместе с тем А.Й. Шегрен определил место коми языка в числе остальных финно-угорских языков. Кроме того, в работе мы встречаем большое количество фактического материала по физической географии Коми края, сельскому хозяйству, промыслам местного населения, календарным и семейным обрядам, фольклору. И если теоретическая сторона его изысканий сегодня имеет значение лишь для истории финно-угроведения, то фактический материал, приведенный в этом разыскании, не потерял своего значения до настоящего времени.

¹ Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические ... С. 207.

² Sjögren A.J. Die Syrjänen: ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // Sjögren A.J. Gesammelte Schriften. SPb., 1861. Bd. 1. S. 235–459.

Что было известно о Коми крае в начале XIX в. до Шегрена? В основном данные, представленные в сочинениях **И.И. Лепехина и Евгения (Болховитинова)**. История присоединения Коми края была в общих чертах обрисована в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Как этот народ воспринимался русской интеллигенцией, показано в отрывке «Петрозаводской руны» Федора Глинки, поэта-декабриста, знакомого А.И. Шегрена по Петрозаводску, отбывавшего ссылку в Карелии:

*Дорогой доктор Шегрен,
Так долго, так долго
Я печально ждал твоего письма.
Я думал, где же теперь наш Шегрен.
Может быть, он там, где мирные зыряне,
Хорошие дети природы,
Стреляют диких животных в дубовых лесах,
Разводят диких пчел.
Целомудренный народ,
Который ничего не знает о воровстве и лжи*³.

Как оказалось, все было иначе: не было, дубрав, бортничества и т.д.

Впервые А.И. Шегрен заинтересовался зырянами еще во время путешествия по Архангельской губернии в 1826 г. К этому моменту он уже выдвинул научную гипотезу о том, что финские племена, названные им *Емью*, занимали территорию дальше на восток, вплоть до Мезени. Поэтому, судя по записям в его дневнике, он занимался поисками материалов о зырянах. Но по-настоящему этой проблемой он занялся в марте 1827 г. в Вологде⁴. Вологодский губернатор Брусилов, вице-губернатор Татаринов и епископ Онисифор оказали полное содействие в деле получения материалов из местных архивов. Здесь он познакомился со знаменитой «Зырянской Троицей», иконой, согласно легенде написанной **Стефаном Пермским**, и текстом на древнепермском языке. Этот отрывок был

³ Branch M. Op. cit. P. 141.

⁴ Суворов И.Н. Академик Шегрен в Вологодской губернии // Вологодские ГВ. 1899. № 256, 257.

ранее опубликован *Евгением (Болховитиновым)*¹. И хотя Шегрен впоследствии сам опубликовал эту надпись, он не смог ее расшифровать, сославшись на плохо сохранившийся текст². Тем не менее позднее он специально заехал в с. Вожем, где в местной церкви находилась копия с «Зырянской Троицы». Как А.И. Шегрен пишет в своих дневниках, язык коми он начал изучать еще в Архангельске в 1826 г.³

В июле 1927 г. Шегрен достиг пределов Коми края. Через Усть-Вымь и Серегово он добрался до Усть-Сысольска, где провел 5 недель. Здесь он исследовал местный архив и занялся совершенствованием знаний в коми языке, а также ознакомился с жизнью и бытом местного населения. Его учителем и консультантом был местный житель Иван Родионович Мальков. С его помощью А.И. Шегрен попытался расшифровать отрывки древнепермского языка, но неудачно. Согласно записям в его дневнике, ученый убеждал своего учителя заняться составлением словаря зырянского языка. В Усть-Сысольске он вновь встретился с *Н. Поповым*, с которым познакомился еще в Яренске. Позднее вокруг этого незаурядного человека объединятся местные краеведы-любители и начнут собирать лексикологический материал по коми-зырянскому языку. Усть-Сысольские же краеведы постоянно снабжали ученого своими материалами в Петербурге. В сентябре 1827 г. он выехал из Усть-Сысольска на юг, через Межадор, Вотчу и Ужгу на Ньючимские и Кажимские заводы, а оттуда его путь пролегал через Кайгородок в направлении на г. Глазов⁴. Во время пребывания в этих районах был собран значительный материал, что позволило ученому написать большую монографическую работу, представленную в Академию наук в качестве диссертации. Фактически она была написана

в Казани, где А.И. Шегрен «застрял» из-за болезни; там его настигла весть об избрании членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

Работа «Зыряне» состоит из семи глав разного объема. Первые четыре главы посвящены описанию географических условий и экономическо-статистических данных Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии, на территории которых проживало большинство коми-зырянского населения. По мнению М. Бранча, структура книги отражает форму сочинения академика Петербургской академии наук, экономиста и статистика Генрика Шторха «Материалы к познанию Российской империи», изданной на немецком языке, в частности ее раздел, озаглавленный как «Всеобщее описание Вологодского наместничества»⁵.

Первая глава книги «Расположение и физические условия» посвящена описанию физической географии и природных богатств региона. Вторая — климату и его влиянию на продуктивность местного сельского хозяйства. При ее написании А.И. Шегрен широко использовал материалы метеорологических наблюдений, проводимых уездным врачом из Яренска *Н. Поповым* и преподавателем Вологодской семинарии А.Ф. Фортунатовым. Третья глава, озаглавленная как «Промышленность и ремесло», дает подробную характеристику сельского хозяйства в количественном и качественном отношении, а также его доходности. Есть небольшой очерк о значении охоты и лесного промысла для местного населения. Из собственно промышленности описывается солеварный промысел в Серегово, а также небольшие местные железодобывательные заводы. Эта часть его книги не потеряла своего научного значения и сегодня. Следующая глава — «Деление и население» — по своей сути, является историко-демографическим описанием городского и сельского населения региона, а также характеристикой и описанием основных мест обита-

¹ *Евгений (Болховитинов)*. О древностях вологодских и зырянских // Вестн. Европы. 1813. Ч. 71. № 17. С. 27–47; То же // Вологодские Ев. 1867. № 16. С. 535–545.

² *Sjögren A.J.* Die Syrjänen... S. 406.

³ *Branch M.* Op. cit. P. 141.

⁴ *Idem.* P. 144–148.

⁵ *Idem.* P. 151; *Storch H.* Materialien zur Kenntniss des Russischen Reichs. Riga, 1798. Vol. 1.

ния зырян в Вологодской губернии (Яренский и Усть-Сысольский уезды). Она также представляет большой интерес для современных исследователей в силу богатства фактологического материала.

За этими четырьмя главами общего характера следует самая большая часть работы, названная автором «История и древность». Фактически в ней теоретически осмысливается громадный материал, собранный в ходе экспедиции в рамках гипотезы финно-угорского родства. Глава не ограничивается рассмотрением истории коми-зырян; предпринято исследование исторического развития всех финно-угорских народов. Как считает М. Бранч, в этой главе нашли отражение основные этапы эволюции идей А.И. Шегрена, касающихся истории и расселения финно-угорских народов¹.

В первой части этой главы А.И. Шегрен на основе анализа данных русских летописей, опубликованных источников, легенд и ономастической информации утверждает, что легендарная заволочская чудь включает предков лопарей (саамов), карелов, пермских народов и возможно самоедов (ненцев), а также *Еми* (предков финского племени *Хяме*)². По мнению исследователя, в прошлом коми-зыряне проживали несколько севернее, чем теперь, и на западе ареал их проживания соприкасался с территорией расселения карел, лопарей и *Еми*. В этой работе он также исследует скандинавские саги, считая их достоверными источниками по истории Севера Европы. Далее

¹ Branch M. Op. cit. P. 152.

² «Зыряне» в полном объеме при жизни А.И. Шегрена не публиковались, поэтому эта часть была издана им в виде отдельных статей: *Sjögren A.J.* О древних местах жительства Еми. Материал для истории чудских племен в России // Чтения Императорской академии наук. 1831. Т. 1. С. 14–23; *Он же.* Über die ältern Wohnsitze der Jemen. I-II // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. St.-Petersbourg, 1832. Vol. 1. P. 263–345; *Он же.* Wann und wie wurden Sawolotschje und Sawolotschjen Tschuden Russisch? // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. St.-Petersbourg, 1832. Vol. 1. P. 491–526.

предпринимает попытку обзора имеющихся сведений о племени (народе) *Пермь* с целью определения этимологии этого слова. По его мнению, русское слово Пермь, Пермь, Перемень восходит к коми-зырянскому *перйём(а)* — *то, что было вытащено*. Несмотря на то, что подобная этимология сегодня не принята в науке, это первая попытка научного объяснения этимологии данного слова.

Далее А.И. Шегрен поднимает вопрос о коренном населении этой территории — *Заволочской чуди*. Слово «Заволочье» ученый сравнивал с финским словом *Savo* — *Сава*. По его мнению, русское (новгородское) вторжение на Европейский Север разделило единый массив карельской группы, оттеснив часть ее на северо-восток, до Пинеги и Мезени, а другую — на запад, северо-запад³. Поэтому в дальнейшем его исследование посвящено объяснению того, когда и как эта территория попала под русское влияние. Этот раздел интересен тем, что исследователь изображает картину расселения финских племен к началу русской колонизации. На востоке Европейского Севера А.И. Шегрен размещает предков коми-зырян и коми-пермяков, которые проживали на огромной территории беломорского побережья вплоть до устья Северной Двины. Их соседями были карелы и Еми, на юге до бассейна р. Волхова, а на запад от Северной Двины жили лопари (саамы). В местах контактов народов наблюдалось смешение этих этнических групп. Вторжение новгородцев привело к расколу финского этнического массива и движению отдельных этнических групп в места их современного проживания, причем *Еми* ушла дальше всех на запад. Эти процессы, по мнению ученого, завершились в течении XV столетия, к 1499 г. (В 1499 г. состоялся поход московской рати за Урал под предводительством С. Курбского, что привело к началу присоединения Югры к Московскому государству. — *А.Т.*) Выказанная теория об этнической истории Русского Севера долго была предметом научной дискуссии,

³ *Sjögren A.J.* Die Syrtjänen... S. 281–325.

последний всплеск интереса относится к 1950-м гг.¹

Далее следуют рассуждения А.И. Шегрена о других легендарных терминах — *Биармии*, *Холмгарде* и *Йомале*, часто встречающихся в скандинавских сагах, основанные на письменных источниках и собственных экспедиционных наблюдениях в Архангельской губернии в 1826 г. Ученый доказывает, что эта легендарная страна располагалась на берегах Северной Двины. По его мнению, на это в знаменитом рассказе Отера о его путешествии указывает слово *Wjēna*, именно так карелы называют эту реку. Согласно его точке зрения сведения об этой стране викинги получили из русских летописей, в которых говорилось о местности, богатой мехами. Затем следует анализ слова *Йомала*. Для этого он использует сведения о зафиксированных в ходе путешествия легендах о *Чуди*. Предыдущие исследователи отрицали существование культа *Йомалы* и древнего города Холмграда из-за отсутствия документальных свидетельств. Ученый исходил из того, что саги не изображают Холмград в виде большого города. Речь идет не более чем о поселении рядом с храмом *Йомалы*. Храм был деревянным, как и многие другие постройки этого города, поэтому его следы трудно обнаружить. На то, что культ *Йомалы* на Русском Севере существовал, по мнению А.И. Шегрена, указывает тот факт, что на данной территории найдено значительное количество древней металлической пластики, имеющей определенный религиозный характер. Сам термин «Холмград» он расшифровывает, пользуясь данными коми языка, выводя его из словосочетания *кольем горт*, *кольём горт* — покинутый, оставленный двор, дом, поскольку имеет отношение к пришедшему в упадок храму-поселению. (Слово *горт* в коми языке имеет также значение «населенный пункт». — А.Т.) Отсюда

¹ Бубрих Д.В. Не достаточно ли емских теорий? // Изв. Карело-Финского филиала АН СССР. 1950. № 1. С. 80–92; Шаскольский И.П. О емской теории Шегрена и ее последователях. (К статье Д.В. Бубриха «Не достаточно ли емских теорий?») // Изв. Карело-Финского филиала АН СССР. 1950. № 1. С. 93–102.

А.И. Шегрен делает основной вывод этого раздела — легенда о *Йомале* и *Холмграде* имеет реальную основу, и *Холмград* существовал на месте современных *Холмогор*.

Следующий раздел этой большой главы посвящен рассмотрению истории городов и сельских поселений Яренского и Усть-Сысольского уездов. Особенное внимание обращается на коми-зырянское население, при этом используется ономастический метод². Здесь он анализирует записанные им в районе г. Яренска фамилии местных жителей и легенды о некоем народе *Гам*. По мнению ученого, слово *Гам* сходно со словом *Емь*, этот народ был частью *Еми*, проживавшей здесь до ухода этого племени на запад и соответственно родствен финскому племени *Хяме*.

Интересны его рассуждения о деятельности *Стефана Пермского*. Он скептически относится к факту создания миссионером древнепермской азбуки, заявляя, что святитель получил ее от местных жителей. Также он ставит под сомнение факт перевода им большого количества книг на этот язык и распространения литературы на этом языке. По его мнению, этому мешала, с одной стороны, высокая стоимость тиражирования книг, переписанных вручную, а с другой стороны, было слишком мало литературы, пригодной для перевода на древнепермский язык.

Завершается глава рассуждениями А.И. Шегрена об общем расселении финских племен и выводом о том что, коми-зыряне находятся «на восточном фланге *Еми*»³. В своих рассуждениях ученый исходил из того, что слово *зырянин* (*zyryan*) родственно (сходно) финскому слову *syrtjäinen*, *syrtjänen*. Здесь он делает еще один важный вывод о том, что различие между коми-зырянами и коми-пермяками только в языке, на самом деле они говорят на разных диалектах одного языка. Этот вывод долго считался аксиомой для финских лингвистов, хотя сегодня наука считает коми-зырянский и коми-пермяцкий разными литературными языками.

² Sjögren A.J. Die Syrtjänen... S. 404 и след.

³ Ibid. S. 428 и след.

Шестая глава названа автором «Современные обитатели». Фактически это общее стандартное этнографическое описание коми-зырян, созданное на основе личных наблюдений¹. Здесь указываются зоны проживания этого народа и распространения коми-зырянского языка, дается описание внешнего облика и народной нравственности, образа жизни и праздников. Много внимания уделяется изображению обрядов и обычаев, акцент делается на свадебном и похоронном ритуалах. Он первым из ученых обращается к народной словесности коми-зырян и публикует текст двух народных песен и 11 загадок². По мнению А.К. Микушева, в работе А.Й. Шегрена достаточно подробно охарактеризована фольклорная традиция южных групп коми-зырян, в первую очередь сысольско-лузских диалектов, и представлены образцы посиделок, колядок, братчин³.

Рассматривая коми-зырянский материал, ученый постоянно сопоставляет его с прибалтийско-финской, в первую очередь собственно финской, народной культурой, отмечая некоторые общие черты в свадебной обрядности и мифологии, а также все возрастающее влияние русской культуры на коми фольклор. Но из этого фактического материала он делает несколько странный вывод о недостаточности имеющихся форм народной поэзии у коми-зырян. А.И. Шегрене полагает, что это обусловлено религиозными причинами. Финская народная поэзия обеспечивает выход человеческой фантазии и воображения, которые сдерживаются суровостью лютеранской церкви. А приверженцы Русской православной церкви могут удовлетворять свои духовные

потребности в великолепии и пышности религиозных обрядов. В завершении этого раздела А.И. Шегрен задает риторический вопрос: что бы произошло в Финляндии, если бы она осталась в рамках Римской католической церкви. Но ответа на свой вопрос не дает.

Седьмая глава посвящена лингвистической характеристике языка коми-зырян. Впервые к этому вопросу он обращался в 1821 г. в своей статье «О финском языке и ее литературе», в которой приводит некоторые лексические примеры из коми языка в сводной таблице по финно-угорским языкам⁴. Его языковедческие воззрения неоднократно становились предметом специальных исследований⁵. Эта глава интересна прежде всего в плане развития этногенетических взглядов ученого. Именно здесь он впервые ставит задачу доказать древнее родство между коми-зырянским и финским языками. По его мнению, раньше это родство не было установлено в связи с тем, что его пытались обнаружить, основываясь лишь на элементарные лексические параллели⁶. Однако если бы его предшественники имели возможность изучить структуру и грамматику зырянского языка, то они, возможно, пришли бы к другим выводам. Именно на основе изучения грамматики коми-зырянского языка А.И. Шегрен делает вывод о существовании подобного родства. Своё исследование он строит, основываясь на собственных наблюдениях, так как считает, что вышедшая к тому времени книга

¹ *Sjögren A.J.* Die Syrjänen... S. 433–446.

² По данным А.К. Микушева, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки имеется единственный известный к настоящему времени краткий текст коми заговора, записанный неизвестным автором скорописью XVIII в. (Ф. XVII, № 111, л. 198).

³ *Микушев А.К.* Роль русской науки в развитии коми фольклористики // Фольклор Российской Федерации: материалы конф., посвящ. итогам и проблемам изучения народного творчества автономных республик (областей) РСФСР (Ленинград, ноябрь 1972 г.). Л., 1975. С. 31.

⁴ *Sjögren A.J.* Über die finnische Sprache und ihre literature. Spb., 1821.

⁵ Например, *Лыткин В.И.* Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 310; *Тураспольский Г.И.* И.А. Куратов — языковед. Сыктывкар, 1980. С. 95–99; *Туркин А.И.* Материалы по коми языку в архиве А.М. Шегрена // Вопр. финно-угорской филологии. Л., 1977. Вып. 3. С. 86–93; *Он же.* А.М. Шегрен как исследователь пермских языков // 1994. № 2. С. 128–132.

⁶ В преамбуле к главе А.И. Шегрен полемизирует с Ф.К. Аделунгом, отрицавшем в своем сочинении подобное родство: *Adelung J.C.* Mithridatres oder allgemeine Sprachkunde. Berlin, 1806. Vol. 1. S. 535–537.

А. Флерова содержит многочисленные ошибки¹.

Ученый высказывался об этом так: «*Эта грамматика излишне много места отводит описанию общеизвестных грамматических понятий, что же касается основного ее предмета исследования — зырянского языка, то он освещается без надлежащего знания его специфики, с оглядкой на русскую грамматику, очень скупо и с крупными ошибками*»². Кроме того, по его мнению, грамматика А. Флерова в целом основана на удорском диалекте коми-зырянского языка, в котором наблюдается сильное влияние ненецкого языка. (В настоящее время последнее наблюдение А.И. Шегрена не поддерживается современными лингвистами.) Ради справедливости надо сказать, что он впервые назвал имя автора этой грамматики — вологодского семинариста Филиппа Козлова, общетеоретические познания которого были крайне скудны.

В последующем финский ученый описывает основные диалекты и фонетическую систему языка. Он предлагает использовать для коми языка латиницу вместо кириллицы, так как она более удобна для письма. Для этого он сопоставляет 61 русское (церковно-славянское) слово и их коми-зырянские эквиваленты. Хотя ученый и провозгласил возможность использования латиницы в коми языке, его вариант коми алфавита использует только одну букву *J* для обозначения звука *Й*. Затем идет описание падежной системы, где он выделяет 13 падежей, которые в своей основе совпадают с нынешней классификацией (в современном коми литературном языке выделяют 16 падежей, а в грамматике А. Флерова, как

и в русском, — всего 6). Далее характеризуются другие грамматические категории. Из них наиболее тщательно был разработан раздел о числительных, который, по мнению А.И. Шегрена, является основным в теории финно-угорского родства³.

К большому сожалению, как уже было сказано выше, эта фундаментальное сочинение А.И. Шегрена не было опубликовано при его жизни. Научной общественности в это время стал доступен лишь краткий обзор его лингвистической части, опубликованный в 1832 г.⁴ В нем он впервые дал научное описание грамматического строя языка коми и, что более важно, путем сравнения коми языка с финским доказал их родство. Последнее до этого времени отрицалось наукой.

Тем не менее значение этой статьи и лингвистической главы из «Зырян...» для науки, а точнее — для истории финно-угроведения, велико. Ибо, как пишет М. Бранч, именно эту главу о языке коми следует считать началом современного финно-угроведения⁵. «Зыряне...» являются существенным и ценным вкладом А.И. Шегрена в финно-угорскую науку. Здесь отразилась эволюция взглядов этого выдающегося ученого на теорию финно-угорского родства: происхождение, историю, языковое родство и расселение финно-угорских народов. В этом сочинении также показаны методологические основы ученого, базирующиеся прежде всего на данных ономастики. В «Зырянах...» большая часть лингвистического материала используется автором для исторического толкования топонимов и антропонимов с целью определения первоначальных жителей этого региона.

Прежде чем завершить очерк об А.И. Шегрене, необходимо сказать следующее. «Зыря-

¹ Флеров А. Зырянская грамматика. СПб., 1813. О его вкладе в изучение коми языка см.: *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов — языковед... С. 64–70; Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М., 1969. С. 308–315; *Костромина И.Н.* Флеров А.В. // Коми язык: энцикл. 1998. С. 525.

² *Sjögren A.J.* Die Syrjänen... S. 448. В архиве А.И. Шегрена имеется экземпляр флеровской «Зырянской грамматики» с его исправлениями и замечаниями // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 103.

³ Подробный анализ лингвистических воззрений А.И. Шегрена см.: *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов — языковед... С. 96–100.

⁴ *Sjögren A.J.* Über grammatischen Bau der syrjänschen Sprachen mit Rücksicht auf die Finnischen // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. Vol. 1. St.-Petersbourg, 1832. P. 149–169.

⁵ *Branch M.* A.J. Sjögren... P. 161.

не...» рисуют общую картину этнической истории финно-угров. В древности эти народы образовывали единую, связанную друг с другом группу, объединенную на основе языкового родства, которая позднее была разделена и расселилась в различных направлениях под воздействием русской, по его мнению, в основном новгородской, колонизации. Одновременно ученый понимал, что для окончательного утверждения этой теории требуются дополнительные сведения, более подробная детализация. Для этого он предлагает новый план исследований. Прежде всего, по его мнению, необходимо провести разыскания на востоке, у хантов и манси, чтобы выявить, каким образом они связаны с венграми и зырянами, и тем самым закончить дискуссию по поводу финско-венгерского родства. Одновременно он поставил вопрос о тщательном изучении ненецкого народа (самоедов) с целью объяснить древнюю историю районов, занятых в настоящее время этим народом.

В ходе своего путешествия А.И. Шегрен успел побывать и у коми-пермяков. После пребывания в Вятской и Казанской губерниях ученый путешественник в сентябре 1828 г. добрался до г. Перми, где пробыл до конца ноября, занимаясь сбором статистических и исторических материалов, знакомясь с губернскими властями и краеведами. Так, управляющий пермскими нераздельными имениями графини Строгановой в с. Ильинском Лев Ослоповский выдал ему следующий документ: «Иньвенских селений прикащикам. Путешествующего г. Доктора философии А.М. Шегрена предписываю в проезде его по иньвенским волостям принимать в господских домах с должною вежливостью и в сведениях о пермяцком языке и о местах, если он, г. Шегрен, осведомится, или видеть какие пожелает, способствовать всевозможно»¹. Затем из Перми ученый отправился в районы непосредственного проживания коми-пермяков. Его пребывание в зонах обитания коми-пермяков продолжалось до конца января

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Оп. 1, № 5/1-48, л. 332.

1829 г., в это время он возвратился в Пермь, где оставался до конца февраля. После этого он отправился в обратный путь, в Петербург, куда рекомендовал ему возвратиться как можно быстрее академик Ф. Круг. Вернувшись в столицу 19 июня 1829 г., почти через пять лет после своего отъезда, он завершил свое многолетнее путешествие,

Несмотря на то что, живя у коми-пермяков, он успел ознакомиться с их языком, а также собрать необходимые ономастические материалы, они не использовались им активно в работах. Сегодня представляют интерес небольшие и разрозненные сведения о пермяках, в первую очередь об их расселении, зафиксированные в его путевом дневнике². Но в его архиве сохранилось большое количество интересного материала, в том числе различные оригинальные сочинения местных краеведов-любителей³. Также следует отметить небольшое лингвистическое собрание Льва Ослоповского⁴. От него же А.И. Шегрен получил «Лексикон пермского языка...» Георгия Чечулина⁵. Позже эти сочинения часто использовались им в отзывах по финно-угорским языкам. Суммируя сведения о коми-пермяках, представленные ученым, можно отметить, что он первым в русской науке относительно точно определил границы расселения этого народа, отмечая их смешанное расселение с русскими. В его дневниковых за-

² Branch M. A.J. Sjögren... P. 178–180.

³ Например, «Описание древней Перми и Пермской губернии, сочиненной в 1824 г. пермским губернским заседателем [Сушевским]. 49 л. с об. // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1.

⁴ Например, «Евангелие от Матвея на пермяцком языке», поднесенное А.И. Шегрену управляющим Строгановскими имениями в Пермской губернии Львом Ослоповским // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 218. Л. Ослоповский был управляющим в с. Ильинском в 1820–1829 гг.

⁵ Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкарского бывшего священника иереем Георгием Чечулиным // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1. Анализ этого словаря см.: Баталова Р.М. Рукописные коми-пермяцкие словари XVIII — первой половины XIX вв. // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. М. 1965. С. 110–121.

писях можно встретить и психологический портрет коми-пермяка. В районе обитания коми-пермяков он искал следы древней Биармии, для чего предпринял путешествие к селению Нырб, в котором хотел ознакомиться с имеющимися в ее окрестностях археологическими древностями.

А.И. Шегрен 29 декабря 1827 г., во время путешествия, был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук¹. Но это избрание было скорее символическим признанием его заслуг, чем началом реальной службы. По сведениям М. Бранча, который ссылается на дневник ученого, друзья и некоторые влиятельные круги в Финляндии хотели видеть его на посту профессора кафедры русского языка и литературы Александровского университета в Гельсингфорсе². Но по рекомендации академика Ф.И. Круга он вынужден был вернуться из Казани в Петербург, хотя и предполагал совершить путешествие по Поволжью. На обратном пути в столицу он оформляет свое диссертационное сочинение «О зырянах». По возвращении в Петербург ученый представил на рассмотрение Императорской Академии наук рукопись своей диссертации. Она была одобрена академиком Ф.И. Кругом и побудила «конференцию ходатайствовать о принятии автора сей диссертации, известного сверх того многими путешествиями и историческими своими сочинениями в число своих адъюнктов». Это предложение было поддержано другим академиком, статистиком К.Ф. Германом, который одобрил статистическую часть шегреновского сочинения³. 30 сентября 1829 г. он избирается адъюнктом «по части отечественной истории». Как отмечал в своем представлении министру народного просвещения президент Академии А.К. Шторх, «выбор Шегрена, в отличии от Погодина, который баллотиро-

вался вместе с ним и тоже был избран адъюнктом, но специализирующийся на истории славянских племен, был более полезен для Академии, ибо он преимущественно имел предмет своих занятий еще мало обработанную историю чудских или финских племен (курисвой. — А.Т.)».

В феврале 1830 г. А.И. Шегрен представил на рассмотрение Академии наук свою диссертацию под названием «О грамматическом устройстве зырянского языка в сравнении с финским», которая в сокращенном виде была опубликована на немецком языке в 1832 г.⁴ В ней он проводит анализ грамматической структуры коми-зырянского и финского языков, считая, что именно сходство в данной области говорит о древнем родстве этих языков. Кроме того, он предлагает очень осторожно относиться к словарному сходству, ибо оно может говорить не столько о родстве, сколько о заимствовании. Он отмечает большое влияние на финский, карельский, эстонский и саамский язык ново- и древнешведского, готского, немецкого языков, а на коми-зырянский — русского и ненецкого, и впервые в русской науке ставит вопрос о составлении специального словаря заимствований в финском и коми-зырянском языках. Как видим, высказанные в работе идеи не потеряли своего значения и в наши дни. В 1830 г. Академия поручает ему редакцию статистической и политической частей издаваемого на немецком языке в Петербурге ежегодного «Немецкого календаря». В декабре 1832 г. в знак достижений в области финно-угроведения он был избран экстраординарным академиком по русской истории и древностям, а 4 июня 1833 г. определяется библиотекарем Второго (Иностранного) отделения Библиотеки Академии наук. В 1835–1838 гг. в сферу его научных интересов вошли языки народов Кавказа. Это связано с тем, что врачи посоветовали ему лечение на Кавказских минераль-

¹ Формулярный список о службе... // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 656, л. 3 и след.

² Branch M. Sjögren studies... P. 185.

³ Шегрен А.М. Историк. Дело об утверждении его в звании адъюнкта Академии наук // РГИА. Ф. 733, оп. 12, д. 396.

⁴ Sjögren A.J. Über grammatischen Bau der syrjänischen Sprachen mit Rücksicht auf die Finnischen // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. VI Série. Sciences politiques, histoire et philology. SPb., 1832. Vol. 1. P. 149–169.

ных водах, и по поручению Академии он совершает длительное путешествие на Кавказ. Итогом поездки становится его «Осетинская грамматика и словарь», которая также была высоко оценена мировой научной общественностью¹. В 1842 г., будучи уже известным ученым, он в составе делегации академии после долгого перерыва побывал в Гельсингфорсе на праздновании 200-летия Александровского университета. Здесь А.И. Шегрен возобновляет личные контакты с финскими учеными. 5 октября 1844 г. избирается ординарным академиком Императорской Академии наук по части филологии и этнографии финских и кавказских племен в России. В 1844–1855 гг. А.И. Шегрен — директор Этнографического музея Академии наук². С 1846 г. он активно занимается изучением языка и народной культуры ливов, небольшого вымирающего финно-угорского народа в Прибалтике. В настоящее время его материалы остаются главным источником по языку и фольклору ливов. Зафиксированный им в то время лингвистический материал, составленная грамматика ливского языка в конце XX в. была использована энтузиастами для восстановления разговорного ливского языка.

За свои научные заслуги А.И. Шегрен был избран членом многих российских и иностранных научных обществ, например Казанского общества любителей общественной словесности (1829), Финляндского экономического общества (1831), Королевского Датского общества северных антиквариетов (1833), Московского общества истории и древностей российских (1834), Общества финской словесности в Гельсингфорсе (1834) и т.д., а так-

¹ Шегрен А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844. О Шегрене-кавказоведе см.: Цибиров Г.И. Осетия в русской науке (XVIII — первая половина XIX в.). Орджоникидзе; Варзиати В.С. Осетиноведческие штудии академика А.И. Шегрена // Шегрен А.И. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998. С. 119–158.

² Терюков А.И. Академик А.И. Шегрен — первый директор Этнографического музея Академии наук // Русская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. СПб., 2003. Вып. 1. С. 185–190.

же удостоен многих российских и иностранных государственных наград³. Скончался 7 января 1855 г. в Петербурге.

После смерти А.И. Шегрена остался уникальнейший богатейший архив, который долгое время хранился в Библиотеке Академии наук, а в 1931 г. был передан в архив Академии наук (в настоящее время — Санкт-Петербургский филиал архива РАН). После смерти бумаги ученого разбирал и описывал сначала П.И. Лерх, а позднее Э.А. Вольтер⁴. В этом отчете фиксируется факт рассмотрения научного наследия ученого, но состав его неясен. В нем просто перечислены 22 тома нового переплета, 5 картонов и 25 томов старого переплета, 2 печатные книги с заметками автора. Академик К. Залеман сообщает, что там были рукописи на турецком, грузинском и осетинском языках, которые он предлагал передать в Азиатский музей. В 1894 г. некоторая их часть, в первую очередь его дневниковые записи, была временно передана для изучения в Александровский университет в Гельсингфорсе и осталась там после революции, составив основу финской части его личного архива, которая хранится в настоящее время в Библиотеке Университета Хельсинки⁵.

В этом документальном массиве, в котором встречаются материалы и по коми-зырянам и коми-пермякам, можно выделить несколько блоков.

1. Исторические, статистические, демографические и этнографические материалы по Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской и Казанской губерниям, собранные А.И. Шегреном в 1824–1829 гг. Позднее они были сброшюрованы в несколько больших томов по отдельным губерниям. Частью это его собственноручные выписки, частью писарские копии различных официальных доку-

³ Формулярный список о службе... // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 656.

⁴ Вольтер Э.А. Предварительный отчет о разборке бумаг и рукописей академика Шегрена // Зап. Императорской Академии наук. 1891. Т. 64. Кн. 1. С. 117.

⁵ Описание этой части см.: Branch M. A.J. Sjögren... P. 265–266.

ментов из местных архивов, а также справки, подготовленные на местах по его просьбе, и оригинальные сочинения¹. Например, здесь сохранились записи поговорок и загадок на коми языке, уникальные тексты песенных свадебных величаний, которые он назвал «зырянскими наблюдаемыми песнями»². Кроме того, в этот блок входит большой этнографический очерк «Описание Ношульской пристани», который содержит подробное изображение свадебного обряда и является, по сути, первой научной записью части семейной обрядности коми-зырян³.

¹ См., например: Достопримечательное известие о реке Печоре с впадающими в оную водами и обитающими близ ее различных народах, с изъяснением существующих там неистощимых богатств из трех царств природы с весьма любопытными предположениями об улучшении торговли, навигации и промышленности в тамошнем крае. С достоверными примечаниями, собранных по опытам и очевидным сведениям в течение нескольких лет во время своих путешествий Вологодским гражданином Александром Деньгиным». Вологда, 1826 // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 5/1–48, л. 88–109 об.); Список Перми Великой 7090 г. // С.-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 5/1–48, л. 296–299 об.; Статистические сведения от Яранского земского суда Вятской губернии // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 5/1–48, л. 175–203; Краткое статистическое описание Пермской губернии // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 6/1–10, л. 244–286 об.; Сокращенная физикомедицинская табель Пермской губернии за 1816–1825 гг. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 6/1–10, л. 348–371; Отзыв академика Шегрена о книге «Усть-Сысола», составленный учителем Усть-Сысольского уездного училища В.М. Михайловым // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 101.

² Замечания о зырянских древностях // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 9/29–68, л. 139 об. — 149 об.; Известия о зырянах // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 9/29–68, л. 446–451; Собрание зырянских пословиц и поговорок // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 10/1–38, л. 145–160.

³ Географическое описание Ношульской пристани // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 9/29–68, л. 114–138; Часть сведений об этом содержится в дневнике ученого, который хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 94, оп. 1, № 256, л. 39 и след.).

2. Лингвистические и ономастические материалы, объединенные в тома по народам. В основном это оригинальные разработки и подготовительные материалы для языковедческих штудий А.И. Шегрена. К этой группе можно отнести и собственно беловую писарскую копию рукописи «Зырян...» на немецком языке, представленную им в академию⁴.

3. Особую группу составляют сочинения, связанные с научно-редакторской деятельностью ученого. По поручению Академии наук он неоднократно давал отзывы на издание переводов религиозной и общедоступной литературы на финно-угорские языки⁵. Кроме того, эта группа рукописей характеризует стиль и метод работы ученого, так как сохранилось несколько вариантов отзывов на одну работу. Они свидетельствуют, как он добивался от авторов улучшения качества подготовленных переводов. К этой группе документов можно также отнести и ряд оригинальных словарей, полученных лично А.И. Шегреном и Академией наук от местных лингвистов-любителей для рецензирования и публикации. Так в ней оказалось некоторое количество материалов и по коми народам⁶.

⁴ *Плосков И.А.* Из рукописей академика А. Шегрена (материалы о составлении коми словарей XIX века) // Родники Пармы. Сыктывкар, 2001. Вып. VI. С. 195–198.

⁵ Отзыв о переводах П. Савваитова академика Шегрена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 73, 76, 87; Сокращенный катехизис, переведенный Андреем Поповым (Усть-Сысольск) на зырянский язык в 1843 г. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 229; Отзыв о переводах Андрея Попова академика Шегрена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 86, 95, 97–99; Отзыв о рукописном словаре Николая Попова академика Шегрена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 86, 93.

⁶ *Туркин А.И.* Материалы по коми языкам в архиве А.М. Шегрена // Вопросы финно-угорской филологии. Л., 1977. Вып. 3. С. 86–93. Например, «Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка, собранные соликамского духовного правления третьего благочиния села Егвиеского Николаевской церкви благочинного иерея Федором Любимовым 1814 года мая 24 дня» // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 5/1–48, л. 271–288 об.; Примечания академика Шегрена на «Краткие грамматиче-

Следующий крупный шаг в научном изучении коми был сделан его земляком **Матиасом Александром (Матвеем Александровичем) Кастреном** (Matias Aleksander Castren)¹.

М.А. Кастрен (1813–1852) родился на севере Финляндии, в Остроботнии, в приходе Тервола, в семье священнослужителя. В 1830 г. он поступает в Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе (Хельсинки), где изучает философию и восточные языки.

Во время обучения под влиянием работ Р. Раска и братьев Гримм, а также собирательской деятельности Элиаса Ленрота его интересы постепенно изменяются в сторону изучения языков «финского племени»². Но для подробного изучения «отдельных языков этого огромного корня» необходимо было ознакомиться с ними на территории их бытования. Поэтому еще в студенческие годы М.А. Кастрен, начиная с 1838 г. совершает ряд поездок по Финляндии и Лапландии, пресле-

ские правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка», составленные протоиереем Ф. Любимовым // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 94, оп. 1, № 109.

¹ О М.А. Кастрене см.: *Туандер К.Ф.* Матиас Кастрен — основатель финнологии // ЖМНП. 1904. Май. С. 1–68; Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти // Очерки по истории знаний. Л., 1927. Вып. 2; *Модзалевский Л.Б.* Материалы для библиографии трудов М.А. Кастрена // Памяти М.А. Кастрена... С. 131–141; *Пасецкий В.М.* Единственный в своем роде. О путешествиях М. Кастрена в Северную Сибирь и Печорский край // Очарованный надеждой. Л., 1970. С. 200–207; *Муравьев В.Б.* Вехи забытых путей. М., 1975; *Терюков А.И.* А.И. Шегрен и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. историко-культурный контекст и личность. СПб., 1996. С. 3–15; *Setälä E.N.* Zum andenken Matthias Aleksander Castren // FUF. 1901. Bd. 1; *Estlander B.* Mathias Alexander Castren. Tampere, 1928; *Aalto P.A.* Oriental studies in Finland. 1829–1918. Helsinki, 1971. P. 83–88; *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland. 1828–1918. Helsinki, 1986. P. 50–67, 73–80, *Branch M.* Sjögren studies... P. 227–229, 239–240, 243–246, 248–250, 252–253, 255–257, 262–264. Более полную библиографию о жизни и творчестве М.А. Кастрена см.: Зарубежные ученые-исследователи коми языка. Сыктывкар, 2003. С. 133–138.

² Об этом он упоминает во введении к своей книге «Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844». SPb., 1853.

дую лингвистические цели. Основные материалы были обобщены в его магистерской диссертации, посвященной системе склонения в финском, эстонском и саамском языках. В 1839 г. он назначается доцентом финского и древних северных языков Александровского университета. Именно тогда его привлекла идея комплексного изучения языков и культуры народов Севера и Сибири. В этом же году на средства Финского литературного общества он предпринимает поездку в Русскую Лапландию с целью сбора песен, сказок и других фольклорных материалов для объяснения «Калевалы». В 1841–1844 гг. М.А. Кастрен совершает новую, более длительную экспедицию в Олонецкую Карелию и Архангельскую губернию, в ходе которой впервые использует методологию и данные **А.И. Шегрена**³. Часть пути этого путешествия он прошел вместе со знаменитым финским фольклористом и филологом Э. Ленротом⁴. К середине 1842 г. М.А. Кастрен добрался до Архангельска, где

³ Русские известия об его путешествиях см.: *Грот Я.К.* Путевые письма Кастрена из Северной России // Современник. 1845. Т. 39. С. 36–74; Этнографическое путешествие г. Кастрена по Западной Сибири. Ученое путешествие г. Кастрена по Сибири // Географ. изв. ИРГО. 1848; Результаты этнографического путешествия по Сибири г. Кастрена // Там же. 1849; Возвращение г. Кастрена из путешествия по Западной Сибири // Там же. 1848; Путешествия по Европе: Кастрена на север Европейской России // Свенске К.Ф. Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 г. СПб., 1855. Т. 1; *Ламанский В.И.* 1) Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах, остяках; 2) Путешествие в Русскую Карелию // Вестн. ИРГО. СПб., 1856. Ч. 17, 18; Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северу России и Сибири: 1834–1844, 1845–1849 // Магазин земледения и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 5–69; Этнографические замечания и наблюдения о лопарях, корелах, саамах и остяках, извлеченных из его путешествий 1834–1844 гг. // Этнографич. сб. ИРГО. 1858. Ч. 4; Лапландия. Карелия. Россия // Матиас Александери Кастрен. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 1; М.А. Castren's Reiserinnerungen aus den Jahren 1838–1844 im auftrage der Kaiserlichen Akademi der Wissenschaften herausgegeben von A. Schiefner. SPb., 1853. S. 219–320.

⁴ *Грот Я.К.* Кастрен и Ленрот в Русской Лапландии // Современник. 1943. Т. 29. С. 145–160; То же // Олонецкие губернские ведомости. 1850. № 8, 9.

начал изучать ненецкий язык. Полученная здесь от Финляндского казначейства материальная помощь в сумме 1000 руб. позволила ему зимой 1842 г. отправиться к низовьям Оби. В марте–сентябре 1843 г. он побывал в Коми крае, на Колве и Ижме, где изучал коми язык. В Колве с ним встретился **В.Н. Латкин**, предприниматель, выходец из коми, путешествовавший в это время по Печоре с целью знакомства с лесными богатствами края. Он оставил воспоминания об этой встрече. «На другой день, со священниками пришел я на квартиру г. Кастрена. Он стоял у искусственной конторки, составленной из двух столов, углубляясь в свои филологические соображения. Тут же был его переводчик, пономарь, коренной самоед... Молодой самоед выучился хорошо читать, и его сделали почетником в Колвинском погосте. Теперь он служит переводчиком г. Кастрену. Г. Кастрену двадцать восемь лет. Он имел хорошее место в Гельсингфорсе, и оставил его, увлекшись любознательною страстью к филологии языков финских. В его комнате было два-три стула, в одном углу преобладающая печь, в другом, над постелей, полог, необходимая принадлежность здешних спален для защиты от комаров; по стенам комнаты географические карты»¹. Далее он пишет о злоключениях М.А. Кастрена во время путешествия. В.Н. Латкин отмечает, что финский ученый составляет «зырянскую и самоедскую грамматику», что он собирается по Усе пройти в тундру к ненцам, а потом, перейдя Урал, проехать дальше в Сибирь. Насколько мне известно, это единственное в русской печати воспоминание о путешествии М.А. Кастрена. Упомянувшиеся выше сообщения о нем в русской прессе появляются несколько позднее и основаны на личных письмах ученого, опубликованных в Финляндии в различных газетах и журналах.

¹ Заметки о самоедах. Из дорожного дневника В.Н. Латкина // ЖМВД. 1844. № 7. С. 7–13. Позднее он включил этот отрывок в свою книгу: «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Часть первая и вторая» // Записки ИРГО. Кн. 7. С. 89–93.

В сентябре–октябре 1843 г. М.А. Кастрен вместе с проводниками ненцами и коми с Усы перебрался на Обь. Его, как и многих других исследователей, увлекает идея возможного соединения Печоры с Обью, что «*неминуемо окажет величайшее влияние на культуру страны и цивилизацию диких ее областей*»². Затем финский ученый прожил несколько месяцев в Обдорске (Салехарде) и занимался изучением языка ханты. Но расстроенное здоровье вынудило М.А. Кастрена в марте 1844 г. вернуться из Тобольска в Гельсингфорс.

На основе собранных материалов ученый публикует книгу «Первоначальные сведения о грамматике зырянского языка»³. Это сочинение было высоко оценено российской научной общественностью и присуждена половинная Демидовская премия. Эти материалы послужили основой для его докторской диссертации «О склонениях имен существительных в зырянском языке», защищенной в Александровском университете в 1844 г.⁴ Одновременно пишет статью «Anteckningar om savolotscheskaja Tschud», в которой на основе анализа топонимического материала Русского Севера он пытался доказать распространение карел до Северной Двины и Мезени⁵. В ней М.А. Кастрен также объясняет происхождение некоторых северно-русских слов из финского языка. Его первые публикации привлекают внимание **А.И. Шегрена**, который ходатайствует пред руководством Император-

² Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северу России и Сибири: 1834–1844, 1845–1849... С. 176.

³ *Castren M.A. Elementa grammatices Syrjaena. Helsingforsiae, 1844.* Позднее она была отмечена Демидовской премией Императорской Академии наук. Положительный отзыв на эту книгу дал **А.И. Шегрен**: «Отзыв академика А.М. Шегрена о рукописи М.А. Кастрена «Основания зырянской грамматики» // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1843. № 1, л. 178–183; Лингвистический анализ этого сочинения см.: *Тураспольский Г.И.* И.А. Куратов-языковед... С. 103–111.

⁴ *Castren M.A. De nominum declinatione in lingua Syrjaena. Helsingforsiae, 1844.*

⁵ *Castren M.A. Anteckningar om savolotscheskaja Tschud // Suomi. 1844. S. 1–22.*

ской Академии наук о выделении ему денег для специального научного путешествия в Сибирь¹. Он дал блестящую характеристику научной деятельности своего земляка, отметив, что во время путешествия в Печорский край и на Обдорский Север М.А. Кастрен «собрал такое множество важных лингвистических и этнографических материалов, что невозможно найти лучшего кандидата для исполнения целей Сибирской этнографической экспедиции»². В результате М. А. Кастрен совершил новое большое путешествие по Сибири в течение 1845–1849 гг.³ **А.И. Шегрен** осуществлял научное руководство этой поездкой, представив академии «Общую инструкцию г. Кастрену по поводу поручения ему Академией исследования Северной и Средней Азии в этнографическом и лингвистическом отношении»⁴. Вернувшись из Сибири, М. А. Кастрен получил разрешение обработать свои материалы в Финляндии, где в 1851 г. стал первым профессором недавно основанной кафедры финского языка в Александровском университете в Гельсингфорсе, оставаясь одновременно на службе при Императорской Академии наук⁵. К большому сожалению, ранняя смерть в 1852 г. помешала ему завершить публикацию своих полевых наблюдений. Но даже то, что М. А. Кастрен успел сделать, повлияло на финно-угроведение, вы-

двинуло на передний план изучение родства этих народов с самодийцами и тюркам на основе гипотезы об урало-алтайской прародине финно-угров и самодийцев⁶. Как писал К. Тиандер, в М.А. Кастрене «скрывался и мифолог, и археолог, и если не смерть, мир стал бы для него тесен»⁷. Сочинения М.А. Кастрена позднее были изданы «изданием Императорской Академии наук» под наблюдением академика А. Шифнера в 12 томах, в которых содержались грамматики 20 различных языков⁸.

Во время пребывания на территории Коми края М.А. Кастрен собрал значительный материал по культуре коми-зырян, часть которого, в частности коми свадебные песни, точнее свадебные причитания, обозначенные публикатором как песни, были изданы позднее финским лингвистом **Т.Г. Аминоффым**⁹. Общий объем записей М.А. Кастрена — 260 строк, 7 причитаний, исполняемых невестой во время свадьбы у коми-ижемцев¹⁰.

В его письмах о путешествии содержатся некоторые сведения о коми-зырянах. Так, М. А. Кастрен считал наличие русских и зырян, кочующих в тундре, главной причиной плохого состояния ненцев: «Всеми неправда-

¹ О путешествии доктора Кастрена в Сибирь для этнографических и лингвистических исследований // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2, оп. 1–1841, № 6; Об определении по Сибирской экспедиции магистра Кастрена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 2 (1844), № 129; Материалы о М.А. Кастрене // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 250, оп. 1, № 210; *Терюков А.И.* А.И. Шегрен и М.А. Кастрен... С. 3–15.

² О путешествии доктора Кастрена в Сибирь для этнографических и лингвистических исследований... Л. 12.

³ *Кенен П.* Странствующие финляндцы и производимые им этнографические исследования // Санкт-Петербургские ведомости. 1848. № 154; То же // Вятские ГВ. 1848. № 34; Ученое путешествие г. Кастрена по Сибири // Олонекские ГВ. 1850. № 8, 9.

⁴ Инструкция была опубликована // ЖМНП. 1845. Ч. 47. № 8. От. 2. С. 101–113.

⁵ ЖМНП. 1850. № 5. С. 3–4.

⁶ *Грот Я.К.* Некролог Кастрена // Санкт-Петербургские ведомости. 1852. № 101; Профессор Кастрен. Некролог // ЖМНП. 1852. Май. С. 57–61; М.А. Кастрен (Некролог) // Вестн. ИРГО. 1852. Ч. 5; Очерк жизни и трудов Кастрена // Вестн. ИРГО. 1853. Ч. 7; Некролог. Чл.-сотруд. М.А. Кастрен // Отчет ИРГО за 1852 г. СПб., 1853.

⁷ *Тиандер К.Ф.* Матиас Кастрен — основатель финнологии... С. 67.

⁸ Об издании посмертных сочинений ученого путешественника Академии, профессора Кастрена // Учен. зап. Императорской Академии наук. 1853. Т. 1. С. 366–370.

⁹ *Syrjäniläisiä häälauluja. Alkutekstistä suomenleisella ja saksalaisella käännöksellä varust T.G. Aminoff // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingforsiae. № 11. 1880; Он же. Syrjänische Hochzeitsgesänge. Mit finnischer und deutscher Übersetzung hrsg. T.G. Aminoff. // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingforsiae. № 11. 1880. S. 203–231.*

¹⁰ *Филиппова В.В.* Обрядовая поэзия коми в записях XIX века // Вопросы коми филологии. Сыктывкар, 2006. С. 39–45.

ми и даже явным грабежом они завладели стадами самоедских оленей и мало-помалу сделались почти полновластными господами всей страны»¹. Также исследователь полагал, что основное зло в тундре — водка, которую пьют и русские, и коми. Он предложил упорядочить торговлю ею и ввести специальные воинские посты для конфискации этого напитка. Вопрос о взаимодействии зырян и самоедов волновал ученого, и он неоднократно возвращается к этой теме, предоставляя высказаться обеим сторонам. Но сам он так и не заявил о своей точке зрения на эту проблему.

В сочинениях М.А. Кастрена имеется описание нравов коми-ижемцев. Ученого поразили их суеверия, которые выразились в том, что он был принят за колдуна, и никто не хотел общаться с ним. Говоря о рассудительности, прямоте, степенности, честности ижемцев, что, по его мнению, обнаруживает несомненное сходство с финским характером, он высказывается о низкой цивилизованности коми². По его мнению, об этом говорит то, что у коми-ижемцев принято переключивать на плечи женщины всю работу по дому. М.А. Кастрен считает, что как не уважает зырянин женщину, видно уже из отношения жениха к невесте в день свадьбы. Он считает причитания невесты, которые она исполняет жениху, актом унижения. Кроме того, приводится факт раздевания молодого и молодой после свадебного пира. Вряд ли можно согласиться с такой оценкой свадебных причитаний у коми, которые были основной частью их свадебного ритуала. Мотив прощания со своей семьей, родителями, домом, который был главным в свадебных причитаниях, воспринимался им слишком буквально. Далее он приводит повествовательный текст двух причитаний³.

Интересно замечание М.А. Кастрена о жителях с. Колва (на р. Уса) как самоедах, принявших язык и обычаи зырян. Кроме того, для современных исследователей важен тот

факт, что финский ученый путешествовал по еще не заселенным берегам р. Уса, коми здесь появились позднее.

Собственно лингвистические материалы финского ученого и его филологические разыскания имеют большое значение для изучения этнической истории коми-зырян, так как сыграли важную роль в упрочении теории общего финно-угорского родства. Помимо этого, М.А. Кастрен впервые научно обосновал идею об урало-алтайском родстве, что в последующем дало новый импульс для развития как финно-угроведения в частности, так и сравнительно-исторического языкознания вообще⁴. По мнению Д.В. Бубриха, деятельность М.А. Кастрена была переломной в истории финно-угорского языкознания⁵. Ученый утвердил систему в собирании материалов. Этого было достаточно, чтобы финно-угорское языкознание стало научной дисциплиной. В то же время он попытался сформулировать основной закон этого предмета. С точки зрения М.А. Кастрена, *«оно ставит своей задачей сравнивать не только слова и формы, но весь внутренний строй языков — законы, которые в них обнаруживаются. Ибо если языки находятся в непрерывном развитии и притом подвергаются внешним воздействиям, то ясно, что они в разной обстановке в своем внешнем облике они могут развиваться самым различным образом. Если, таким образом, сравнительное языкознание желает приносить плоды, то ему надо опираться главным образом на языковые законы»*⁶. Он сыграл выдающуюся роль в становлении идеи финно-угорского родства, ибо, как он писал незадолго до своей смерти, *«до последних времен на все финское племя не обращали почти никакого внимания. Не зная древних судеб онаго, разбросанные ветви его почитали бесполезными побегими родового*

⁴ О его вкладе в формирование урало-алтайской теории см.: Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические ... С. 241–246.

⁵ Бубрих Д.В. Финно-угорское языкознание... С. 93.

⁶ *Setälä E.N. Mathias Alexander Castrénin satavuotiaspäivänä // JSFOu. 1913–1918 Bd. 30. S. 22.*

¹ Лапландия. Карелия. Россия // Матиас Александери Кастрен Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 175.

² Там же. С. 190–191.

³ Там же. С. 191–192.

древа человечества, которые историк преспокойно обрубал, предавая забвению и гибели. Если в последнее время воззрения на это племя начали изменяться, то этим мы по преимуществу обязаны Петербургской академии наук»¹.

На наш взгляд, XIX в. был золотым веком исследования коми языка, а вместе с ним и коми этнолингвистики. В период с 1813 по 1889 г. были изданы 10 грамматик и словарей языка коми, больше, чем у всех остальных финно-угорских народов. В это время коми язык стал основным объектом в процессе разработки сравнительно-исторического финно-угроведения. Этот язык был в сфере научных исследований всех крупнейших финно-угроведов того времени. Кроме упомянутых **А.И. Шегрена** и **М.А. Кастрена**, к этому материалу обращались такие крупные лингвисты, как Х.К. Габеленц, Ф.И. Видеман, **П.И. Савваитов**, **Г.С. Лыткин**. Были опубликованы книги А. Флерова, Ф. Козлова, А. Попова, Н.П. Попова, П. Михайлова, **Н.А. Рогова**².

Как ни парадоксально, но путешествия А.И. Шегрена и М.А. Кастрена оказались единственными крупномасштабными историко-этнографическими изысканиями этого периода, не считая серии географических и естественно-научных обследований Коми края (об этом см. ниже). И лишь в конце XIX в. была предпринята специальная поездка с целью этнографического исследования Коми края. Она связана с именем В.В. Кандинского (1866–1944), крупнейшего русского художника-абстракциониста, основателя так называемого «беспредметного» искусства³. Еще в 1975 г. в своей студенческой дипломной работе, посвященной погребальным обрядам народов коми, я написал о том, что автор одной интересной работы по верованиям коми, на-

писанной В. Кандинским, и знаменитый художник не просто однофамильцы, а один человек. Позднее я упомянул об этом в одной из своих публикаций, когда имя художника в СССР было еще табуировано⁴. Но было неясно, почему он обратился к этой теме. Чтобы понять это, необходимо обратиться к его биографии.

Кандинский Василий Васильевич родился в Москве в купеческой семье. Окончил 3-ю Одесскую гимназию (его семья с 1871 г. жила в Одессе). Как видно из аттестата, лучше всего давались ему такие предметы, как «Закон Божий», «История», «Русский язык», «Логика»⁵. В 1885 г. он подает прошение ректору Московского университета с просьбой принять его на юридический факультет. Его научным руководителем был профессор А.И. Чупров, один из основателей нового научного направления, возникшего на стыке этнографии и юстиции, — изучение т.н. «народных юридических обычаев». Центром проведения таких исследований был этнографический отдел Общества любителей естествознания, археологии и этнографии (ЭО ОЛЕАЭ) при Императорском Московском университете, а фактический материал часто собирали студенты юридического факультета. По заданию ЭО ОЛЕАЭ ряд профессоров, в числе которых, кроме А.И. Чупрова, были М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, В.Ф. Миллер, составляют специальную программу «для собирания сведений о юридических обычаях», которая была опубликована и стала основой для проведения широкомасштабных исследований по этой проблеме⁶.

А.И. Чупров (1842–1908), экономист, статистик, общественный и земский деятель, сторонник развития земского образования,

¹ *Castren M.A.* Reisberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // *Nordische Reise und Forschungen*. SPb., 1856. Bd. 2. S. 74.

² *Тираспольский Г.И.* И.А. Куратов — языковед. Сыктывкар, 1980. С. 63–64; Коми язык: энцикл. М., 1998.

³ *Сарабьянов Д.В., Автономова Н.Б.* Василий Кандинский. М., 1994.

⁴ *Терюков А.И.* История изучения погребального обряда коми-зырян // Крат. содерж. докл. науч. сессии, посвящ. основным итогам работы Института этнографии в X пятилетке. Л., 1983. С. 79–80.

⁵ *Турчин В.* В.В. Кандинский в Московском университете // *Вопр. искусствознания*. 1993. № 2–3. С. 194–212.

⁶ Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 1889. Вып. 1.

с 1878 г. — профессор Московского университета, с 1887 г. — член-корреспондент по ряду историко-политических наук Историко-филологического отделения Императорской академии наук¹. Выходец из семьи священнослужителей, он учился в духовной семинарии и академии, а потом на юридическом факультете Московского университета. Позднее стажировался в Германии, а с 1874 г читал в университете лекции по политической экономии и статистике. Один из основоположников русской статистики, автор многочисленных трудов по политэкономии, аграрному вопросу и железнодорожному хозяйству. В области теории А.И. Чупров разделял воззрения исторической и этической школ политической экономии, частично научного социализма. Возглавлял либерально-народническое направление русской экономической мысли, которое признавало необходимость аграрных и социальных преобразований с сохранением крестьянской общины². Критиковался В.И. Лениным. Выдающаяся заслуга А.И. Чупрова — возбуждение интереса к научным занятиям среди студентов, работавших под его руководством. Многие из них позднее стали известными учеными. Достигалось это не только научностью и изяществом изложения, но и вниманием профессора к студентам. Он не только давал обращавшимся к нему советы и указания, но и предоставлял в их распоряжение книги из своей библиотеки.

А.И. Чупров ежегодно отправлял своих студентов в экспедиции по сбору полевого ма-

териала. Так благодаря финансовой поддержке Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете В.В. Кандинский в 1889 г. оказался среди коми-зырян Вологодской губернии. С. Сальников пишет, что поездка В.В. Кандинского была связана с его проблемами со здоровьем, якобы воздух тайги был полезен для легких³. Но это была обычная учебная командировка, и о проблемах с здоровьем сам В.В. Кандинский не упоминает. Определить точный маршрут его поездки до недавнего времени было сложно.

Опубликованная недавно т.н. «Вологодская записная книжка», хранящаяся в Центре современного искусства имени Ж. Помпиду в Париже, которую раньше называли дневником его путешествия, позволяет уточнить время его пребывания в Коми крае и маршрут путешествия⁴. Судя по упоминаемым в нем населенным пунктам, он добирался в Коми край через Котлас, Сольвычегодск, затем его дорога от Яренска лежала через нижнее течение Вычегды на Усть-Сысольск. Далее в его дневнике упоминаются селения Ыб, Подъельск, Маджа, Богородск, Корткерос, Усть-Нем, Усть-Кулом, Турья. Весь путь от Котласа он проделал с ямщиками, иногда верхом, иногда на лодке. Само путешествие продолжалось с 14 июня, когда он выехал из Вологды, до 7 июля, когда он покинул Усть-Сысольск.

В его записях встречается несколько песен, загадок, сказаний. Несмотря на то что основной темой студенческих изысканий было крестьянское обычное право у коми-зырян, результатом его исследования стала статья о народной мифологии коми⁵. Обращение В.В. Кандинского к проблеме народных веро-

¹ Каблуков Н. А. А. И. Чупров. Биографический очерк // А. И. Чупров. Речи и статьи. М., 1900. Т. 1; *Он же*. Александр Иванович Чупров // Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1908 г. М., 1909. С. 415–445; *Анучин Д.Н.* Памяти А.И. Чупрова // Русские ведомости. 1908. № 44; *Б.Г.* Памяти А.И. Чупрова // Исторический вестн. 1908. Апрель. Т. 112. С. 233–248; *Казарин А.И.* А.И. Чупров как экономист // Учен. зап. МГУ. 1947. Вып. 123; *Остроумов С.* Значение А.И. Чупрова в развитии русской статистики // Вестн. статистики. 1956. № 3; История русской экономической мысли. Т. 2. Ч. 1. С. 129–148, 501–503 (список трудов); Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г. / А.Я. Савельев, А.И. Момот, В.Ф. Хотеевков и др. М., 1995.

² Чупров А.И. Крестьянский вопрос. М., 1909.

³ Сальников С. К истории одного путешествия // Арт-Лад. Сыктывкар. 2000. № 1. С. 101.

⁴ *Kandinsky Wassily* Gesammelte Schriften 1889–1916 / *Farbensprache, Kompositionslehre und andere unveröffentlichte Texte*. München, 2007. S. 29–77; русский перевод см.: Василий Кандинский. Избранные труды. М., 2008. Т. 2.

⁵ Кандинский В.В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества // ЭО. 1889. № 3. С. 102–110.

ваний можно объяснить двояко. С одной стороны, программа ЭО ОЛЕАЭ включала специальный раздел, озаглавленный «О верованиях», в котором затрагивались вопросы народной космографии и космогонии, были сформулированы 50 вопросов по анимистическим представлениям, 17 вопросов о колдунах и знахарях, 36 вопросов по календарной обрядности. С другой стороны, в процессе своего исследования начинающий ученый приходит к выводу, что хранителями обычного права, традиций и обрядов (т.е. собственно «юридической власти» в традиционном обществе) являлись местные колдуны. Характерно, что почти 30 лет спустя к аналогичным выводам пришел **А.С. Сидоров** — крупнейший специалист по этнографии коми в 1920–1930-гг., хотя неизвестно, был ли он знаком с этнографическим отчетом В.В. Кандинского, ибо ссылок на эту статью у него нет. А.С. Сидоров отмечал, что *«порча во многих случаях является актом мести за нарушение обычного права. <...> Ввиду отсутствия большой имущественной дифференциации личные интересы колдуна являются на почве колдовского мировоззрения типичными и для остальной части населения»*¹.

Статья показывает, что ко времени своей поездки В.В. Кандинский проштудировал литературу о коми-зырянах и хорошо разбирался в происходящих процессах. Несмотря на небольшой объем, статья достаточно информативна и показывает автора как хорошего наблюдателя. Так, В.В. Кандинский четко уловил различия в культуре отдельных групп коми и впервые среди исследователей отметил необходимость их учитывать. Он пишет, что *«всякий, кому доводилось познакомиться с литературой о зырянах, естественно, должен был поразиться многим неточностям и зачастую непримиримым противоречиям. Источником этих недостатков является то, что некоторые исследователи, не определяя точно описываемой местности, говорят во-*

¹ Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа Коми. Материалы по психологии колдовства. Л., 1928. С. 131; (Книга была переиздана в СПб. в 1997 г.).

обще о зырянах». Он пишет, что *«такие обобщения немыслимы в виду ясно выраженного различия между всеми частями зырянского народа. Существующими названиями: “сысольские”, “вычегодские”, “печорские”, “удорские” — зыряне определяют не только местность, но и различие быта, верований, обычаев»*². Поэтому он подчеркивает как в названии статьи, так и в тексте, что говорит только о сысольских и вычегодских зырянах.

Сегодня можно говорить о том, что В.В. Кандинский был прав. На самом деле народная культура коми многовариантна, иногда существенно различается у отдельных локальных групп. Коми до настоящего времени различают друг друга по принадлежности к этим группам. Поэтому статья В.В. Кандинского имеет значение как важный этнографический источник. Пытаясь выяснить сведения о таких персонажах народных верований коми, как Золотая Баба, Войпель, Ема, о которых много дискутировали его предшественники, и не получив информацию о них, автор приходит к выводу, что зыряне *«забыли свою прошлую религию»*. По его мнению, это произошло по той причине, что во времена св. **Стефана Пермского** произошел резкий поворот в религиозном сознании зырян в ходе уничтожения их традиционных религиозных верований, объявленных проповедником *«погаными»*. Тем не менее, по его словам, ему удалось найти *«несколько весьма слабо обозначающих следов»* утерянной религии: почитание огня, культ предков, веру в духа *ОПТ*, а также в домового.

В последнее время развернулась дискуссия о месте В.В. Кандинского в русской этнографии, в коми этнографии в частности. В ней можно обозначить, как мне кажется, две крайности. Пег Вайс, Н.Б. Автономова и иные преувеличивают его роль, а другие, в частности Б. Шишло, стараются преуменьшить. Причем все ссылаются на одни и те же материалы. Я позволю остановиться на ней, так как знаю ее участников.

² Кандинский В.В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян...

О дневнике мне с 1990 г. известно со слов американской исследовательницы Пег Вайс, которая во время своего пребывания в Ленинграде попросила прокомментировать отдельные записи художника из этого дневника / записной книжки. В тот момент у нее в наличии были, если я не ошибаюсь, копии пяти страниц, причем несвязного текста. Это было вызвано тем, что по желанию родственников В.В. Кандинского его архив был закрыт для исследователей до 2000 какого-то года. В 1995 г. выходит ее большая книга о влиянии народной культуры, точнее народных верований, на творчество В.В. Кандинского¹. Некоторые материалы из нее опубликованы С. Сальниковым². С этого момента тема «Кандинский и этнография» становится популярной³.

В приложении к книге Валерия Турчина «Кандинский. Опыт разных лет. Сумма искусств. Художник в России и в Германии» в 2008 г. появляется статья Б. Шишло «Об этнографическом опыте Василия Кандинского: взгляд этнолога»⁴. Мы встречались в Петербурге, когда он был приглашен принять участие в публикации «Вологодской записной книжки» после открытия архива художника. Он просил перевести меня встречавшиеся в тексте коми термины. Он считает, что «его этнографический опыт с научной точки зрения был безуспешным»⁵. Хотя В.В. Кандинский и пытался заниматься этнографией, значительных успехов в этой науке он не достиг, в отличие от своих друзей, Н.Н. Харузина и П. Богаевского.

Мне кажется, что Б. Шишло как этнолог хотел от этой поездки большего. Так, он про-

анализировал несколько рецензий, написанных В.В. Кандинским на различные этнографические сочинения. Б. Шишло огорчает nepозволительный тон его рецензии на книгу Г.С. Лыткина, с чем можно согласиться. Но, как ни странно, это единственная рецензия на сочинение Г.С. Лыткина в России. Она была написана до его поездки к зырянам; возможно, напиши он эту рецензию позднее, она могла быть другой⁶. Была-ли эта рецензия личной инициативой В.В. Кандинского, или она была заказана редакцией, или же знакомство с книгой выдающегося представителя коми национальной интеллигенции связано с подготовкой предстоящей поездки в Вологодскую губ., неизвестно.

Б. Шишло прошел мимо некоторых записей «Вологодского дневника». Если прочитать их внимательно, то мы видим, что В.В. Кандинский интересовался тем, чего хотел от него А.И. Чупров, то есть выяснял отношение крестьян к судам, делал выписки из дел местных волостных правлений, волостных судов, беседовал с местными чиновниками⁷. Он упоминает в своем дневнике *В.Е. Кичина* (Кичева), которому следует выслать программы. По-видимому, речь идет о программах ОЛЕАЭ по обычному праву. С ним он мог встретиться только в Усть-Сысольске, где последний учительствовал и занимался краеведением. Да, в дневнике мы не находим, выражаясь современным языком, полевого материала по обычному праву. Но он может находиться в архиве ОЛЕАЭ. Ведь сам «Дневник» уместился в небольшой записной книжке на 22 страницах. Да и ждать от студента, впервые выехавшего в поле, не следует многого.

Тем не менее эта публикация, как я уже указал выше, содержит реальные этнографические данные и использовалась коллегами. Например, она попала в «Библиографический указатель литературы о Коми АССР», где не

¹ Weiss Peg. Kandinsky and Old Russia. The Artist as Ethnographer and Shaman. New Haven and London, 1995.

² Сальников С. К истории одного путешествия ... С. 103–107.

³ Автономова Н.Б. Об этнографических исследованиях Василия Кандинского (Вологодская экспедиция 1889 года) // Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.komi.com/pole/publ/history/>.

⁴ Шишло Б. Об этнографическом опыте Василия Кандинского: взгляд этнолога // Турчин В. Кандинский. Опыт разных лет. Сумма искусств. Художник в России и в Германии М., 2008. С. 276–293.

⁵ Там же. С.289.

⁶ Автономова Н.Б. Об этнографических исследованиях...; Кандинский В.В. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык // ЭО. 1889. № 3. Библиография. С. 166–168.

⁷ Шишло Б. Об этнографическом опыте... С. 278.

указаны работы Питирима Сорокина¹. На нее как на источник по коми мифологии ссылается известный шведский религиовед Ивар Паульсон в своей монографии о представлениях о душе у североевразийских народов². Как мне кажется, он просто не стремился к этнографии. Да и мы смотрим на этот эпизод жизни В.В. Кандинского с высоты сегодняшнего дня, сегодняшних знаний и пытаемся оценить то, что он не вкладывал тогда в свои записи. Ему, наверное, и в страшном сне не могло присниться, что они будут предметом дотошного изучения, в них будут искать основы его творчества и т.д. А если мы хотим понять, что же в научном плане он принес из своего путешествия, то следует искать его реальные полные записи.

Ибо само путешествие впоследствии сильно повлияло на него и его жизнь. «Дальнейшими, особенно сильными впечатлениями моего студенческого времени, так как определенно сказывавшимися в течение многих лет, были: Рембрант в Петербургском Эрмитаже и поездка моя в Вологодскую губернию, куда я был командирован Московским обществом естествознания, антропологии и этнографии»³. Он очень симпатизирует коми: «Зыряне — премилый народ. Все на них клеветают, <...> встретил пригостеприимнейший прием». В.В. Кандинский характеризует коми как веселый и открытый народ. Впечатления от неброской, но в то же время ярко контрастной природы северного края приводят его к мысли заняться живописью. Немного позднее он становится художником⁴.

Американская исследовательница творчества В.В. Кандинского Пег Вайс рассматривала этнографический опыт В.В. Кандинского как ключ к пониманию его творчества на эта-

пе становления мастера⁵. Сам художник впоследствии писал: «Я въезжал в деревни, где население с желто-серыми лицами и волосами ходило с головы до ног в желто-серых одежках или беллице, румяное с черными волосами было одето так пестро и ярко, что казалось подвижными двуногими картинками. Никогда не изгладятся из памяти большие, 2-этажные резные избы с блестящими самоварами в окне. Этот самовар не был здесь предметом роскоши, а первой необходимостью. В этих-то необыкновенных избах я и повстречался впервые с тем чудом (выделено В.К. — А.Т.), которое впоследствии стало одним из элементов моих работ. Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому превращаться в картину, в ней жить. Ярко помню, как я остановился на пороге. <...>. Стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — все было расписано пестрым, размашистым узором, орнаментом. По стенам лубки: символически представлены богатырь, сражение, красками переданная песня. Красный угол весь завешен писаными и печатными образами, а перед ними красно-тепящая лампадка, будто что-то про себя знающая, про себя живущая таинственно-щипящая, скромная и гордая звезда»⁶. Приведенный фрагмент, в котором раскрывается оказанное на автора воздействие, сам по себе информативен, так как дает яркое описание интерьера крестьянской избы.

У В.В. Кандинского был еще один опыт обращения к этнографии, в студенческие годы. Во время работы в семинаре А.И. Чупрова им была написана статья и рецензии на книги. Частично они касались как раз обычного права, частично этнографии⁷. Б. Шишло

¹ Библиографический указатель литературы о Коми АССР. Сыктывкар, 1963. С. 172.

² Paulson Ivar. Die primitiven Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker // The Ethnographical Museum of Sweden. Monographic Series. №. 5. Stockholm, 1958.

³ Кандинский В.В. Ступени. Текст художника. М., 1918. С. 21.

⁴ Там же. С. 5; С. 27–28; Сальников С. К истории одного путешествия .. С. 100–107.

⁵ Weiss Peg. Kandinsky and Old Russia...

⁶ Кандинский В.В. Ступени... С. 27–28.

⁷ Кандинский В. О наказаниях по решению волостных судов Московской губернии // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России / Изв. ИОЛЕЭ. Т. 61. 13–19; Он же. Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2 / под ред. Н. Харузина // Изв. ИОЛЕЭ. Т. 69. (Тр. Этнограф. отд-ния. М., 1896. Т. 11. Вып. 1; Он же. Maxime Kovalevsky. Tableau des origines et de l'évolution de la

пишет, что это было выполнено по просьбе не столько А.И. Чупрова, сколько Н.Н. Харузина, одного из крупнейших русских этнографов конца XIX — начала XX в.¹ Можно согласиться с Б. Шишло, что они просто информативны. Это дает ему право считать рецензии В.В. Кандинского поверхностными и не всегда правомерными. Но если мы внимательно посмотрим опубликованные в «Этнографическом обозрении», «Живой старине», «Землеведении», «Известиях РГО» подобные сочинения, то мы увидим, что большинство из них носят информационный, а не аналитический характер.

В 1889 г. Василий Кандинский прерывает учебу «по состоянию здоровья» на три года. Ему рекомендуют отдых в одном из приморских городов Западной Европы. В том же году он впервые побывал в Париже. Но это не освобождало его от сдачи экзаменов испытательной комиссии. Поэтому В.В. Кандинский был вынужден периодически бывать в Москве. В 1892 г. ему удалось сдать экзамены с третьего раза, и он получил диплом первой степени. Профессор А.И. Чупров рекомендует оставить его «на два года для подготовки к профессорскому званию и написанию диссертации». В своем ходатайстве он писал: «Имею честь предложить окончившего с дипломом первой степени Василия Кандинского к оставлению на кафедре политической экономии и статистики. Усердные занятия политической экономией и сродными с ней науками в течение университетского курса, основательное знакомство с тремя новейшими языками, равно как и представленное весьма дельное сочинение, убеждают меня в том, что из г. Кандинского может выработаться со временем полезный научный деятель»². Как было выше сказано, после окончания университета в 1892 г. он, пытаясь перебороть себя,

становится ученым-исследователем, активно готовится к магистерской диссертации. Сохранилась инструкция, составленная на кафедре политической экономии и статистике для В.В. Кандинского. Она включала громадный список литературы, с которым он должен был ознакомиться, а также перечень специальных предметов, которые он должен был прослушать³. В 1896 г. он получает приглашение от ректора Дерптского (сегодня — Тартуского) университета занять свободную должность приват-доцента, но в 1895 г. принимает окончательное решение оставить науку, чтобы серьезно заняться живописью. В письме своему учителю А.И. Чупрову от 4 ноября 1895 г. он написал следующее: «Глубокоуважаемый Александр Иванович, меня очень тяготит, что я до сих пор не написал Вам того, что буду писать сейчас. Весь конец прошлой зимы я был еще в колебании, а в последнее время Вы переживали тяжелые минуты, и мне не хотелось обращаться к Вам с делом личного свойства. **Я решил оставить занятия наукой** (выделено мной. — А.Т.). Ваше постоянное доброе отношение ко мне возбуждали во мне желание сказать Вам о причинах, вызвавших мое решение. Прежде всего я убедился, что не способен к постоянному усидчивому труду. Но во мне нет еще более важных условий — нет сильной захватывающей все существо любви к науке. А самое важное — во мне нет веры... И чем дальше идет время, тем сильнее притягивает меня к себе моя старая и безнадежная любовь к живописи»⁴. Так русская наука потеряла одного из своих потенциальных исследователей, а мировая культура получила величайшего художника. В этом важную роль сыграло его путешествие в Коми край.

Прежде чем закончить раздел о специальных этнографических экспедициях, организованных для изучения народов коми, необходимо остановиться на исследованиях **С.И. Сергеля** (1883–1955). Хотя он и не был профессиональным этнографом, его поездки

famille et de la propriété. Stockholm // ЭО. 1890. № 4. С. 176–177.

¹ Керимова М.М. Письма В.В. Кандинского к Н.Н. Харузину // Вестник истории, литературы и искусства. 2006. № 3.

² Турчин В. В.В. Кандинский в Московском университете... С. 201–202.

³ Там же. С. 201–202.

⁴ Письма В. Кандинского к А.И. Чупрову // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1983. С. 341.

в Коми край, как ни странно, оказались последними экспедициями, совершенными с этнографическими целями к коми-зырянам. После него подобная практика прекратилась почти на 50 лет по ряду причин. Поэтому его деятельность представляет для нас большой интерес, тем более что его имя известно только узкому кругу музейных специалистов.

Сергей Иванович Сергель родился 23 сентября 1883 г. в местечке Синявка Слуцкого уезда Минской губернии в семье волостного писаря. В 1894 г. он поступил в Могилевскую гимназию и закончил ее в 1904 г.¹ В гимназии он проучился 10 лет вместо положенных восьми. Скорее всего это было связано с трудностями жизни и необходимостью зарабатывать на учебу, ибо он остался без родителей.

В 1903 г. гимназист Сергей Сергель принимает в одиночку дальнейшее путешествие в далеко отстоящие от Могилева места — на северную реку Печору. Выехав из г. Чердыни Пермской губ. на лодке, он поднялся до верховьев р. Колвы, перебрался волоком в р. Унью, приток Печоры, по которой на лодке почти дошел до верховьев Печоры. Затем пешком он отправился в горы южной части Северного Урала. Как он писал позднее, «*во время этих скитаний мне пришлось близко узнать тип и характер тамошнего жителя, пришлось часто сталкиваться с русским старообрядческим населением, с зырянами, вогулами, даже с самоедами-пастухами зырянских оленей*»². Эта поездка зародила в нем интерес

¹ Ивановская Н.И. Забытые имена: путешественник и этнограф С.И. Сергель // Хранители: Материалы XI Царскосельской науч. конф. СПб., 2005. С. 154–166; *Она же*. Этнографическая поездка на территорию коми С.И. Сергеля (май-сентябрь 1906) // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 141–151; *Она же*. Образ эпохи, образ народа (опыт биографического изучения собирателей Российского этнографического музея) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреновские чтения. СПб., 2011. С. 286–302.

² Переписка с С.И. Сергелем, студентом СПб университета, командированным для собирания этнографического материала у зырян Архангельской и Вологодской губ. и лопарского населения Скандинавского

к этнографическим исследованиям. Жаль, что об этой поездке не осталось материалов, и мы должны верить ему на слово.

В 1904 г., окончив гимназию, С.И. Сергель поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, в группу, где готовили географов. Жизнь в Петербурге складывалась нелегко. Как было написано в справке, выданной ему Могилевской гимназией для предоставления в Санкт-Петербургский университет и удостоверяющей его материальное положение, «*С. Сергель вследствие действительно большой бедности и неимения решительно никаких средств к жизни был на время пребывания в Могилевской гимназии освобожден от платы за учение и получал ежегодные денежные пособия*»³. Он вынужден был зарабатывать деньги на жизнь репетиторством. Так, он занимался с детьми профессора университета Д. Грима⁴. В периоды полного безденежья ему приходилось оставлять учебу в университете до более благоприятных времен. Одним из его преподавателей Ф.К. Волков, археолог, этнограф, антрополог.

В 1913 г. С.И. Сергель получил свидетельство об окончании университета. Сведения о дальнейшей его жизни весьма скудны. Известно, что в 1915–1916 гг. он работал в г. Вельске Вологодской губ. чиновником Удельного округа Министерства Имперского Двора и уделов⁵. По другим сведениям, в Вельске он работал лесничим до 1922 г., там в 1920 г. родился его сын. В 1922 г. он с семьей переезжает в Московскую губернию, в г. Волоколамск. Здесь С.И. Сергель работает преподавателем географии в Волоколамском зооветеринарном (сельскохозяйственном) техникуме. В это время он публикует несколько книг, в том числе и, как бы сегодня это сказали, пособия по экстре-

полуострова и Финляндии // Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 566. Л. 4.

³ Ивановская Н.И. Образ эпохи, образ народа... С. 289.

⁴ Переписка с С.И. Сергелем... Л. 5.

⁵ Адрес-календарь Российской империи. 1915, 1916 гг.

мальному туризму¹. Кроме того, публикует материалы своих поездок к коми-зырянам и саамам². Как пишет А.Ю. Заднепровская, в 1930 г. он обращался к Д.А. Золотареву, заведующему отделением этнографии великорусов и финнов этнографического отдела Русского музея для рекомендации его для работы в Комитете Севера при Президиуме ВЦИК³.

В феврале 1906 г. Сергей Сергель, будучи студентом Петербургского университета, пишет заявление в этнографический отдел Русского музея с просьбой выделить ему 1000 рублей для сбора коллекций и этнографического обследования зырянского населения, живущего по берегам рек, впадающих в р. Печору в среднем ее течении. Обосновывая свою просьбу, он сообщает о том, что в 1903 г. он уже побывал в этом районе, где имел возможность близко познакомиться с местным населением. С.И. Сергель обязуется собрать коллекции, характеризующие хозяйственные занятия коми (охоту и рыболовство), жилище, домашний быт (утварь, одежда)⁴. Его предложение было принято, и он отправился в путь из Вологды по р. Сухоне парохомом, шедшим на север. Добравшись до Великого Устюга, он пересел на другой пароход, плывший вверх по р. Вычегде, и через несколько суток сошел на берег в г. Усть-Сысольске. Далее его путь лежал по берегу в верховья р. Вычегды, где С.И. Сергель надеялся, по его словам, найти «более интересное место для наблюдений за жизнью зырян»⁵. В конце июня 1906 г. он добрался до крупного волостного села Помоз-

дин в верховьях Вычегды. В поисках типичной зырянской деревни, где сохранились архаичные формы традиционной народной культуры, С.И. Сергель, по совету местного учителя, направился в дер. Бадь-йоль, расположенную в нескольких километрах к западу от Помоздино. В этой деревне он прожил два месяца, занимаясь стационарными исследованиями традиционного образа жизни коми.

В своей книге С.И. Сергель достаточно подробно описывает антропологический тип местных жителей, разновидности жилых и хозяйственных построек, их внешний вид и внутреннюю планировку, традиционную пищу и одежду. Пользуясь современной терминологией, он вел углубленное наблюдение окружающей жизни, принимал непосредственное участие в жизни сельской общины. Он участвует в сенокосе и разработке лесной подсеки под поле, подробно описывая не только трудовой процесс, но и используемые орудия труда, попутно дает общую характеристику хозяйства коми. Одновременно им было собрано 490 первоклассных этнографических памятников и сделано более 200 уникальных фотографий, которые хранятся в настоящее время в Российском этнографическом музее⁶. Ценность этих экспонатов и фотографий в том, что они блестяще аннотированы собирателем и в настоящее время являются ценнейшим этнографическим источником по традиционной культуре коми-зырян начала XX в. Кроме того, в архиве РЭМ сохранилась его рукопись «Описание зырянских построек в Помоздинской волости Усть-Сысольского у., Вологодской губернии. Лето 1906 г.», которая не опубликована, но представляет большой интерес для исследователей⁷. Частично они были использованы им в ниге о коми-зырянах.

¹ Сергель С.И. Географические экскурсии в лодке и пешком. Пособие для преподавателя по организации экскурсий. М., 1925; 2-е изд. М., 1936; *Он же*. На парусном судне. М., 1929; *Он же*. Водный туризм. М.; Л., 1929; *Он же*. На лыжах по Скандинавскому Северу. М.; Л., 1930. (Эти книги выявлены по генеральному каталогу Российской национальной библиотеки.)

² Сергель С.И. В зырянском крае. М., Л., 1928; *Он же*. Год кочевки с лопарями. М., 1927.

³ Сергель С.И. Экскурсия к норвежским лопарям // Публ. А.Ю. Заднепровской // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. II. Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 283.

⁴ Переписка с С.И. Сергелем... Л. 4.

⁵ Сергель С.И. В зырянском крае... С. 9.

⁶ Каталог-указатель этнографических коллекций. Народы Среднего Поволжья и Приуралья / сост. Л.Л. Добрачева, А.Ю. Заднепровская, Е.Н. Котова. Л., 1990. Ч. 1: Финно-угорские народы. В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого также хранится коллекция фотографий С.И. Сергеля из этой экспедиции.

⁷ Описание С.И. Сергеля о зырянских постройках в Вологодской губернии (рукопись, чертежи). 1906 год // Архив РЭМ. Ф. № 1, оп. 2, д. 567.